

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАНЬКА- ВЗВОДНЫЙ

КОМБАТ НАЙТОВ

Военная боевая фантастика

Комбат Найтов

Ванька-взводный

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Найтов К.

Ванька-взводный / К. Найтов — «Издательство АСТ»,
2022 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-149750-7

В Реальной Истории герой этой книги погиб 22 июня 1941 года, прикрывая отход остатков своей роты из Бреста за реку Мухавец. У него был первый бой в его жизни, оставшись один, он растерялся и начал отход на восток. Если бы не случайная встреча с тяжелораненым командиром РККА, который, умирая, готовился продать свою жизнь подороже, то, скорее всего, главный герой делал бы то, что делали тогда многие: отходили на восток, пока их не останавливали свои или враги. Поэтому в следующий раз лейтенант выбрал бой, и погиб. Но: герои не умирают! Они становятся легендой и воскрешаются через многие годы в нужное время. Нацизм должен быть уничтожен на нашей планете.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-149750-7

© Найтов К., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	28
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Комбат Найтов Ванька-взводный

Серия «Военная боевая фантастика»

Выпуск 19

© Комбат Найтов, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Войны не будет, но отпуска – отменены

Москва, Кремль, 12 июня 1941 года, Советский зал Большого Кремлевского дворца. Идет торжественное вручение дипломов об окончании Московского Краснознаменного пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР. В зале только отличники боевой и политической подготовки. «Красные дипломы» вручают нарком обороны маршал Советского Союза товарищ Семен Константинович Тимошенко и председатель Комитета Оборона СССР маршал Ворошилов. Представляет всех отличников генерал-майор Калмыков, начальник училища. Он назначен на эту должность всего три месяца назад, но успел «не понравиться» всем курсантам третьего курса. Он был «паркетным генералом», служил в отдельном эскадроне охраны НКЮ, любимчик Ворошилова, «показушник» и..., а что там говорить! Все равно все это уже позади! Сейчас получим дипломы и в отпуск!

– Я! – громко сказал лейтенант Иван Артемьев и четким строевым шагом направился к столам, на которых были разложены их бумаги и перед которыми стояло «большое начальство».

– Лейтенант Артемьев, представляюсь по поводу получения воинского звания лейтенант и завершения учебы в Московском Краснознаменном училище имени Верховного Совета РСФСР!

– Поздравляю вас, лейтенант Артемьев! Куда направили?

– В Западный особый, товарищ маршал Советского Союза.

– Удачи тебе, лейтенант!

Тимошенко правой рукой передал документы, пожал руку лейтенанту, выслушал его ответ и, после поворота кругом бывшего курсанта, потряс пальцем ухо. Фальцет у мальчишки был громким и высоким.

Иван прошел на место и встал в строй. Всё, училище закончено! Еще несколько раз он пропускал вызываемых из строя, но больше всего он ждал команду «разойтись», однако внешне это никак не проявлялось. Что-то, а строевая подготовка в училище была на высоте! Буквально «замордовали» ей. За три года службы каменное выражение лица и строевой шаг въелись в мозг, как антрацит у шахтера в морщинки глаз, стали неотъемлемой частью самого себя. Но маршал Ворошилов в последнем слове, после вручения последнего диплома лейтенанту Яхонтову, обрадовал всех, кто распределился в приграничные округа:

– Проездные документы выписаны на завтрашнее число. Во всех западных округах отпуска отменены, товарищи лейтенанты.

Шума дисциплинированные бывшие курсанты не подняли, хотя перед этим маршал уверял их в том, что слухи о скорой войне с Германией распространяют британские империалисты и они лишены какого-либо основания. Им скомандовали «Кругом» и вывели из дворца. Калмыков еще раз выстроил их и строго предупредил, что через три часа их пропуска будут аннулированы. После этого скомандовал «Вольно» и «Разойдись». Как только он отвернулся, в воздух взлетели новенькие фуражки и прозвучало троекратное «Ура». Калмыков повернулся и погрозил пальцем, но «строить» никого не стал.

В «батальоне» все уже было готово, остальные курсанты-выпускники с серыми дипломами еще утром покинули родные стены. Через тридцать минут Артемьев, Иванов и Захаров, неразлучные друзья все эти три года, отдали честь часовым у Никольской башни, курсантам второго курса, и вышли на Красную площадь. Отойдя на десять шагов, там, где на брусчатке была нарисована полоса, они еще раз подбросили фуражки, прокричали «Ура» и направились на Болотный остров, где у Виктора Захарова проживала тетка, супруга довольно большого

начальника, его родного дяди, в распоряжение которого он и распределился. Ему на юг, в Одесский округ, Константина направили на Северо-Запад, он тянул на красный диплом из последних сил, ему требовалось попасть «домой», в Ленинград, и двое друзей ему в этом помогали. Сам Иван своим правом выбрать округ, где будет служить, не воспользовался. Незадолго до выпуска он поссорился с Зоей, своей подружкой, работавшей в училище. Та дала согласие на брак, но другому человеку, одному из преподавателей. Предварительно у него был записан Московский округ, было предложение остаться в училище, но в этих условиях ему совершенно этого не хотелось. Вот и сказал, чтобы посылали туда, куда необходимо. В итоге: 125-й стрелковый полк 6-й стрелковой дивизии ЗОВО.

Друзья прошли по набережной мимо английского посольства, миновали Большой Каменный мост, зашли в продовольственный магазин на улице Серафимовича, где купили торт, вино и водку. Их «ждали»: помимо тети Марии, красивой 33-летней женщины, там находились подружки двух друзей Ивана. Еще несколько дней назад среди них «царствовала» Зоинька-Заинька, но сейчас ее здесь не было: у нее на воскресенье свадьба назначена. Все знали об этом, поэтому старательно придерживались нейтральных тем и поздравлений. Были и танцы, не до упаду, но тем не менее. С Иваном танцевала хозяйка, от которой исходил пряный запах каких-то духов, заграничных. Тем не менее Иван чувствовал себя «не совсем в своей тарелке», поэтому еще засветло засобиравшись на вокзал. Там в 20 часов отходил скорый поезд Москва-Варшава-Берлин: самый быстрый способ попасть в Брест. Его проводили друзья, их подружки и даже хозяйка квартиры, не выпускавшая его руки до самого поезда. Однако количество старших командиров на вокзале было достаточно большим, поэтому второй рукой она держала племянника. Мало ли кто что подумает! Она же жена начальника штаба целого округа! Но молодая и красивая! В купе их не пустили, попрощались у дверей купейного вагона. Никто из них и не догадывался о своей дальнейшей судьбе и о том, что им предстоит. У всех одно пожелание: успешной службы!

Поезд дернулся и разорвал последнее рукопожатие друзей, сделанное через открытую форточку вагона. Махнув несколько раз левой рукой, Иван развернулся и прошел в купе. Три старших командира РККА, слегка улыбаясь, смотрели на него.

– Лейтенант Артемьев, направляюсь к месту службы после окончания МКПУ имени Версовета.

– Зовут как? – спросил худощавый и невысокий майор-танкист у очень высокого лейтенанта.

– Иваном.

– Во как точно: Ванька и взводный! Константин, корреспондент, – поддел его интендант второго ранга, который перед этим бурно прощался с двумя девушками на платформе.

Самый старший из командиров, с тремя шпалами на петлицах, украшенных щитом и мечом, не только не назвал себя, но и приказал выйти из купе и дать возможность ему постелиться. Все трое вышли из купе и прошли в тамбур. Майора отозвали из отпуска, корреспондент только что получил предписание в окружную газету, и Иван пожаловался, что отпуск ему предоставить отказались. Все ехали в разные места: Иван в Брест, Константин в Минск, а Анатолий в Волковыск. Но до утра еще куча времени. Военюрист первого ранга всем не понравился, поэтому со стороны Анатолия последовало предложение сходить в ресторан и поужинать. По возвращению юрист уже спал, в купе пахло хорошим коньяком, утром перед Минском всех разбудили, хотя самому Ивану еще ехать и ехать, без пересадки.

В Минске выяснилось, что по меньшей мере в трех вагонах едут немцы, в том числе и военные. В 16.20 во все купе заглянули проводники и предупредили, чтобы все приготовили документы для проверки. Впереди была «станция Березай, хочешь не хочешь, а вылезай». Граница. До проверки документов из вагонов не выходить. Юрист по-прежнему все еще ехал на

нижней полке под Иваном и ни с кем не разговаривал. После стука в дверь он поднялся и облачился в гимнастерку.

– Вот и все, Иван свет Иванович. Прибыли, Брест-Литовск. Глаза б мои на него не смотрели.

Через пятнадцать минут, козырнув стоящему у выхода вооруженному пограничнику, они оба вышли из вагона.

– Комендатура там, – буркнул на прощание юрист и зашагал к вокзалу.

Ивану он показал в другую сторону. Туда потихоньку стекался одетый в хаки народ. Здесь все делалось быстро комендантом и тремя его помощниками. Сразу за забором находились представители сборов приписного состава шести воинских частей брестского гарнизона. Иван подошел туда первым прибывшим с этим поездом из состава 6-й стрелковой дивизии. Капитан, командовавший на пункте, внимательно рассмотрел его бумаги.

– Тебе не с нами. Церковь видишь? И казармы? Вот тебе туда, да поспешай, через полчаса там никого из начальства не будет. Найдешь дежурного по части, он покажет, куда и к кому идти, а мы в крепость.

Капитан внимательно посмотрел вслед лейтенанту и покачал головой:

– Во вымахал, ему б на флоте служить!

Идти было совсем недалеко, теперь в этом месте путепровод, бывшая слободка Граевская, Северный сквер и Северный городок. Там располагался, частично, 125-й стрелковый полк. От плаца полка до границы 2 тысячи 845 двойных шагов, 4 километра 230 метров. Казармы находились в прямой видимости из-за Буга. Но лейтенанта это совершенно не беспокоило. На КПП ему подсказали, что за военным городком (домами комсостава) есть еще казармы. Которые еще ближе к границе, так вот: ему туда. Железнодорожные пути не пересекать, арестуют. Там погранзона. Теперь это место носит название «имени Брестских дивизий», улица, переулок, тогда это все называлось Северный городок. Крепость находилась южнее. Ему повезло, и он застал командира 125-го полка майора Дулькейта еще в своем кабинете, хотя тот уже собирался идти домой. Иван представился и передал ему предписание.

– Прибыли? Это хорошо, что без опоздания, даже раньше, вас завтра ждали.

Командир снял трубку телефона и куда-то позвонил. Выслушал доклад и сказал:

– Старшего лейтенанта Матвеева ко мне. – И повесил трубку. Помял себе подбородок, подошел к шкафу, достал оттуда папку.

– Примешь взвод в 75-й ОРР, мы ее только формируем. Сейчас подойдет твой будущий командир. Собственно говоря, вы оба числитесь в дивизии, но формировать роту поручено мне. Отдельная разведрота. Работы у вас пока немного, а жаль, хотелось бы знать, что происходит на той стороне границы. Но приказа нет...

В дверь постучали и на пороге кабинета возник еще один командир РККА.

– Вызывали, товарищ майор? Старший лейтенант Матвеев прибыл по вашему приказанию.

– Просил взводных? Вот тебе взводный. С корабля на бал, прямо с поезда сюда. Займись обустройством, введи в курс дела, завтра, в 11.00, оба ко мне, получите инструктаж по дальнейшей работе. Матвеев, больше среднего комсостава не предвидится, так что крутись, Александр Иванович.

От командира заскочили в строевой отдел и в финчасть, Иван получил ордер на «квартиру». Из штаба в роту, на втором этаже казармы, построенной еще при царе Горохе. Из окон канцелярии были отлично видны река и железнодорожный мост. За рекой генерал-губернаторство. В полученном взводе всего 19 человек, в основном красноармейцы служат второй год, старослужащих всего три человека. Вечером, после отбоя, оба командира заглянули в местную «пиварню», где закусили кнедликами и выпили по кружке пива. Холостой Александр жил

рядом, снимая комнату у железнодорожника, а Ивану предстояло идти в дом переменного состава, расположенный почти у здания казармы.

Утро началось с обычной физзарядки, и на ней к новому взводному сразу прилепилась кличка: «Лось». В училище он учился в первой роте, куда отбирали самых высоких, эта же рота считалась «разведывательной», но никаких особых премудростей там не преподавали: налегали на физподготовку и действия в разведдозоре. Бегали там много, и Иван попытался перенести это на занятия со взводом, не слишком удачно, так как выдержать такой темп сразу красноармейцы не могли. Требовались время и тренировки. Место для занятий Иван с Александром подобрали рядом, прямо за забором городка был холмик высотой 140,4 метра, за ним – второй 145,0. Вот между этими вершинками и носилась разведрота, численностью чуть больше взвода: 47 человек списочного состава. Через неделю предстояли корпусные учения, которые должны были начаться в ночь с понедельника на вторник, с 23-го на 24 июня.

Появление второго среднего командира чуть сдвинуло безразличие интендантов, и личному составу выделили новенькое полевое обмундирование, маскхалаты, две радиостанции, ножи, даже буденновские рюкзаки нашлись в закромах у интендантов. Дело было в том, что командир полка заканчивал «Верховного Совета» во времена, когда она называлась 1-й пулеметной школой РККА. Он – из латышских стрелков и лично был знаком с Лениным. Стоял в карауле у его кабинета. Первая рота и тогда была разведывательной. Вот и решил «тряхнуть стариной», заполучив красно-дипломника с Почетной грамотой НКО. В субботу 14 июня, тогда это был полновесный рабочий день, он накрутил хвоста всем, начиная с Ивана и заканчивая зам по тылу, что формируем роту уже два месяца, а воз и ныне там. Провел строевой смотр, тыкая пальцем в недоработки. Заодно передал в роту три автомобиля: из-за близости границы стрельбище находилось в 12 километрах от полка под Кошицей, не набегаешься, хотя пару раз Иван устраивал такие пробежки для всего личного состава.

«Лось» – он и есть лось. Ему эти 24 километра с полной выкладкой и со стрельбой были в порядке вещей. Летом училище находилось в лагерях под Солнечногорском, и там существовало только два режима перемещения: строевым и с песней, и бегом. Не сказать, что эти нововведения абсолютно всем нравились, тем более что в воскресенье по поводу войны выступал сам Сталин по радио и заявил, что это только слухи. Он пытался по реакции немцев определить сроки нападения, до которого оставалось шесть суток и несколько часов.

Гарнизон в Бресте внимательно выслушал вождя, его слова многократно повторили политработники, и все несколько расслабились. Учеба носила в том числе и формальный характер, тем более что прибыло пополнение после полковой школы в Бульково, которое только предстояло «поставить в строй». Оно приехало в следующую пятницу, двадцатого числа. Всю субботу переобмундировывали молодежь из Минска и Барановичей. Большинство из них в разведку не слишком и годились, их срок службы состоял из трех недель в лагере и присяги. В субботу в 17 часов лейтенант Артемьев был направлен с двумя бойцами в комендантский патруль и до двух часов ночи находился в южной части города, следя за тем, чтобы военнослужащие после 24.00 по улицам не фланировали. После доклада помощнику коменданта об отсутствии происшествий, они отбыли в казарму, и Иван остался ночевать в канцелярии.

Глава 2

04:00 декретного времени, 22 июня 1941 года, казармы 125-го СП

В 04.00 Иван был разбужен начавшейся артподготовкой. Немцы били из орудий по восточной окраине города. У Ивана было десять минут, но он потратил их на бесполезные попытки созвониться хоть с кем-нибудь. Им еще на разводе вчера говорили, что возможны провокации, на которые не нужно поддаваться. В казарме отсутствовало электропитание, сигнала тревоги никто не подал, позже он узнал, что дежурный по части был убит за несколько секунд до начала войны. Сам он тоже не подал команду и не приказал открыть оружейку. Он – растерялся! Лишь вылетевшие из рам стекла заставили его оторваться от молчащих телефонов. Он выскочил в коридор, а в стену канцелярии воткнулся снаряд и грохнул разрыв. Крики раненых, вопли ужаса, толпа полуодетых красноармейцев ринулась по лестницам вниз, кто-то выпрыгивал из окон. Паника подхватила и лейтенанта, и через несколько десятков секунд он выскочил из напроочь распахнутых дверей на плац, но был сбит с ног взрывной волной крупнокалиберного снаряда и отброшен к стене казармы. Придя в себя, лейтенант перевалился через пролом в стене и пополз в сторону оружейки «чужой роты». Взрывы продолжали грохотать, и встать он даже не пытался.

Дверь в оружейную комнату была закрыта на стальной засов и амбарный замок, но рядом лежал убитый дежурный по роте с ключами в руках. Лейтенанта вырвало, когда вместе с ключами он поднял руку убитого сержанта, которая отделилась от тела. Двойной поворот ключа, засов в сторону – и Иван встал, чтобы открыть первый ящик, там стояли автоматы командиров и самозарядные винтовки. Но автоматы были без патронов. Магазины «светок» были снаряжены и один из цинков не был полным, внутри были картонные пачки. Обстрел оборвался, стали слышны гортанные крики и трели свистков. Этого хватило, чтобы лейтенант опять запаниковал и рванул из здания через плац, в сторону высоты 140 и 4. Несколько раз что-то свистнуло возле головы, но Иван только втянул глубже голову в плечи и немного запетлял. Перевалился через провал в стене и только сейчас вспомнил, что он не зарядил «светку». За спиной у него вспыхнула стрельба, где-то у домов комсостава, но туда надо было бежать опять через плац, на котором лежало множество трупов и раненых, а с первого этажа казармы уже бил незнакомый пулемет. Лейтенант дважды выстрелил в сторону мерцающего огонька, и пришлось снова драпать, так как пулемет свободно пробивал кирпичную стену забора.

От полевого аэродрома связной эскадрильи дивизии бежали техники и мотористы, вырвавшиеся из-под огня, стадный инстинкт подхватил и лейтенанта, и остановился он вместе со всеми только за Брзозовкой. Местность он знал плохо, местные названия ему ни о чем не говорили. Все напились из лесного ручейка, никто ничего не говорил, а появление мотоциклетного отряда немцев на пыльной дороге обратило всех в бегство. Но десятку человек «не повезло». Их увидели немцы, свернули с дороги и очередями сбили в «стадо». С поднятыми руками заставили выйти на дорогу и направили их в тыл, предварительно быстренько их обыскав. Где-то на юге спорадически вспыхивала перестрелка. Шел бой на вокзале. Изредка грохотали взрывы гранат у казарм Северного городка. Прошло меньше часа с момента нападения, 6-я стрелковая дивизия была разбита, разрезана на части и практически прекратила сопротивление. После пленения части авиаторов, которым немцы ничего не сделали, идти с молчаливыми техниками стало как-то не по себе. Иван от них отстал и свернул в сторону поросшего густым кустарником болота. Где находился его взвод, он не знал, вокруг никого из начальства. Где-то грохочет война, а он идет навстречу солнцу, но впереди вновь проселок и небольшая деревня.

Сняв со «свет-ки» ПУ¹, лейтенант осмотрелся. Село казалось пустынным, но заходить туда он не решился: еще недавно это была Польша, языка он не знал, от слова совсем. Рывком перебежал через проселок с подбитой «эмкой» и шмыгнул в кусты.

– Стой, кто идет! – раздалось чуть слева.

Иван повернул голову и увидел дуло нагана, направленное на него.

– Свои, 125-й полк.

– Сколько вас?

– Один я.

– И куда топаешь?

– В общем направлении на восток. У вас есть другие предложения?

– Индпакет есть?

– Чего нет, того нет.

– Подойди сюда! А, Иван Иванович!

Под кустом лежал недавний попутчик, воен-юрист первого ранга, его фамилия уже была известна Артемьеву: Крейцер Соломон Моисеевич, дивюрист.

– Здравия желаю, товарищ военюрист.

– Издеваешься? – Низ живота у юриста был залит кровью, которая широкой полосой тянулась по траве. Он кое-как себя перевязал нижним бельем, скрепив порванные осколком мышцы живота.

– В машине у водителя лопата, надо закопать вот эти документы.

Оставив «светку» возле раненого, лейтенант метнулся к машине, лопата лежала в багажнике, внутри машины еще три трупa. Его вновь стошнило, но лопату он нашел. Несколько минут возился с папкой, затем черт его дернул вытащить трупы и захоронить их, но из-за поворота выскочил мотоцикл с тремя гитлеровцами, которые огнем отсекли его от кустов. Он остановился и поднял руки. Он видел до этого, что на немцев это действует. Пистолет он давно переложил из кобуры за ремень брюк на спине под гимнастеркой. Небольшого роста унтер решил поиздеваться над огромным «Иваном», дав ему очередь под ноги и хлестко нащелкав его по щекам.

– Нихт шиссен, их капитулирен, – тихо сказал Иван, и на его глаза навернулись слезы.

Один из немцев не сводил с него ствола пулемета, второй заходил справа, а унтер стоял слева. Подошедший сильно и очень больно ударил его, и Иван свалился наземь и в голос закричал: «Нихт шиссен, их капитулирен»!

За спиной раздался голос юриста:

– Сука, умри же как человек!

Этой секундоchки Ивану хватило, чтобы подсечкой сбить унтера с ног и воткнуть две пули в «амбала» и пулеметчика. Упаковав унтера, связав того его же собственным ремнем, Иван быстро провел экспресс-допрос: фельджандармерия 45-й пехотной дивизии немцев. Времени долго разговаривать не было, и лейтенант применил НР-40 по назначению.

– Что, товарищ военюрист, дальше поедem на мотоцикле?

– Из меня ездец, как из твоей бабушки футболист. Возьми вот это, запомни цифры: 9545. Уходи, лейтенант, на руку не надевай, держи в кармане. Потом наденешь, когда доберешься до спокойного места. – Он передал Ивану легкий желтый растягивающийся браслет.

– Золото?

– Нет, это не золото. Уходи!

– А как же вы?

– Стреляться я не буду, я – еврей, пуля для меня у них найдется, как и мои подарки для них. – Военюрист показал на две изготовленные «феньки» перед собой.

---

¹ Прицел универсальный.

Перед разговором лейтенант забрал из мотоцикла пулемет, две коробки патронов и три рюкзака немцев, но трупы с дороги деть некуда, так что уходить надо как можно быстрее.

– Не по-человечески как-то, тащ юрист.

– Иди, говорю, давай отсюда!

Иван быстро перебрал и перебрал в один рюкзак все ценное, приторочил к нему коробки, надел его, забросил на плечо «светку» и на другое положил МГ-34. Надел чью-то пилотку, из машины достал взамен утерянной фуражки и за пояс сунул еще до приезда немцев, козырнул военюристу и зашагал на восток. Через полчаса услышал в той стороне короткий бой и два взрыва «фенек». И такая его злость взяла на самого себя! «Размазня! Роту из-за меня положили! Могли отойти за забор и дать бой немцам! Тебя чему, дурака, учили? Ты видел, как „юрист“ себя вел? А ведь ранен и не жилец! Сам ушел, но кое-кого с собой прихватил. А ты? Требовалось залечь у колеса, а у водилы забрать гранаты».

Мы все умны задним числом, так же и Иван разбирал свои ошибки и выводил себе «неуд» за утренние события. Но наблюдение он не забывал и довольно быстро обнаружил цепочку следов, которая вела на восток. Отпечатки сапог и ботинок были наши. Присутствовали как хромачи командиров, так и яловые ботинки пехотинцев. Ориентировался он уже по немецкой карте. Однако, выскочив на пригорок перед Черни, он увидел ошибку командиров, уводящих людей на восток: из-за небольшой тучки выскочила пара истребителей и проштурмовала отходящее подразделение, и почти сразу с двух сторон появились моторизованные группы немцев. Лейтенант сбежал вниз с холма и взял иное направление для отхода, придерживаясь полосы лесов, ведущих к Мухавцу. Затем долго лежал неподалеку от шоссе на Кобрин, выжидая возможность перейти через него. Сзади грохотала артиллерия немцев. Примерно в десяти километрах западнее шел сильный бой, но на восток катились танки, бронемашины, шла немецкая пехота, ползли конные обозы. Фронт на участке 6-й дивизии был прорван, артиллерия добивала остатки войск в крепости, где он ни разу не был и никого там не знал. Ближе к вечеру обзавелся тремя бойцами бывшей 75-й ОРР, которых вывел почти в ту же точку старшина Архипов. В отличие от него, лежащего в парадной форме после патруля, они были одеты в маскировочные костюмы и штатно вооружены. Кроме штатного оружия имели и немецкое, так что вышли сюда с боями. Но пулемета у них не было. Зато были гранаты.

Глава 3

«Вы находитесь в распоряжении 75- й отдельной разведроты 6-й дивизии»

После форсирования шоссе и реки у Каменки старшина расщедрился и снабдил лейтенанта «мохнаткой».

– Что ж вы не переоделись, Иван Иванович?

– Мозгов не хватило, как и вывести роту из казарм.

– Я тоже спал дома, – хмуро ответил Алексей Иванович. – Беглова и Тимофеева подобрал на Красногвардейской. Карту где добыли?

– С жандармов снял, дивюрист Крейцер помог.

– Где?

– Утром, у Плошки.

– Вкруголя отходили? Мы напрямую сюда шли, через сады и огороды польские. Медленнее получилось. Кто-то держится в Северном, слышно было, но не прорваться. Везде немцы. Война?

– Наверное, большие силы ушли на Кобрин.

– А боев пока не слышно. Ну, что? Двигаем дальше?

Иван закончил переодеваться и был готов выступать далее. Разведка ночью себя чувствует лучше, чем днем. Так привычнее. Разделив с товарищами по одному бутерброду с салом и хлебом немецким, он выставил разведдозор, обеспечил фланги и арьергард. Таким порядком шли всю ночь и вышли к Бульково, где находилась полковая школа. Там «разжились» еще четверьмя сержантами и десятком новобранцев, ящиком тола и четверьмя противотанковыми минами. Увы, шоссеиный мост через Мухавец требовал не менее полутонны взрывчатки, чтобы хотя бы минимально его повредить. Капитальное сооружение! Тем не менее лейтенант приказал уничтожить пост у левого предмостья, сумели заложить мины на стоянку для радиостанции и сунуть их под скользящую опору стальной фермы. Туда же ушел и почти полный ящик тола, установленный на неизвлекаемость. Лейтенант остался прикрывать отход с пулеметом и сумел изрешетить три автомашины с жандармами, прежде чем отошел и догнал группу. Но пришлось сменить направление движения: жандармы начали прочесывание местности, а немецких патронов захватили на посту совсем чуть-чуть, штук триста.

Вновь вернулись к школе, заглянули на склад и в столовую, правда там почти ничего не оставалось, отошли еще южнее и лесами двинулись на Луково, в общем направлении на юго-восток. Оторваться от противника получилось: дорога здесь одна, противнику требовался минимум полк, чтобы блокировать их в этом массиве. Грунтовку между лесами вновь форсировали с боем, но их уже было не 18 человек, а почти сотня.

В эти места отходили как разбитые части 28-го корпуса, так и всей 4-й армии. Больше всего было «танкистов» из южного городка. По ним первым открыла огонь немецкая артиллерия, и 22-я танковая дивизия понесла огромные потери, как в живой силе, так и в технике. Это про нее позже писали, что ворота ангаров с техникой были закрыты на замки. Плюс по пакету № 1 части дивизии должны были прикрывать штаб армии в Кобрине. По этим «планам» 22-й мотострелковый полк должен был выдвигаться к границе, чуть южнее крепости, а остальные части дивизии форсировать Мухавец по тому самому мосту и прикрыть Кобрин, то есть на восток. Бензина и соляра в машинах практически не было и боеприпасы не погружены. 22-й полк не смог реализовать свой первоначальный успех: они сбросили в реку первую волну немецкого десанта, но под артиллерийским огнем оставили позиции в шести фортах на юге крепости и к утру 23 июня отступили на 20–30 километров от города. Эти части находились

в нескольких километрах от группы лейтенанта Артемьева. Основной проблемой для мотострелков был полностью израсходованный носимый боезапас. Напоминаю, что бойцы РККА, вооруженные винтовкой Мосина, имели в подсумках 90 патронов. А автомашины с боеприпасами сгорели в парках, склады на фортах были пусты. По планам их должны были занять части 62-го УР, которые туда прибыть из крепости не смогли. Склады в самой крепости ломились от боеприпасов, а форты стояли голыми и неприкрытыми.

Этими «наблюдениями» с Иваном поделился такой же взводный из 22-го мотострелкового, взвода у него не было, было ранение в руку, полученное еще в первую атаку. У него были полностью расстреляны имевшиеся две обоймы к «ТТ», в котором он держал последний патрон, чтобы застрелиться. Люди были «оглушены» вчерашними боями и реальной силы собой не представляли. Ночью они спали, даже не выставив караулов. Четверо разведчиков и четырнадцать человек «из карантина» успели провести успешный бой, вокруг них и начала образовываться новая воинская часть.

Днем пересекли проселок, где старшина приказал подобрать убитую корову и теленка, стоявшего рядом с ней. Углубились в Антоновский лес и встали на дневку. Корову старшина разделал с десятью бойцами, протащив ее по лесу всего метров сто. У большинства бойцов с собой не было даже котелков: они – танкисты и мотострелки, все свое держали в машинах. В ход пошли вертелы из березок, прутики и иные приспособления. Видимо, на запах начали «слетаться» остальные «окруженцы», часть из которых уже переделалась в гражданскую одежду. Оружия почти ни у кого не было. Появились и «командиры», растерявшие или бросившие свои подразделения вчера. Более пожилой старшина, упакованный в маскировочный комбинезон, со «светкой» и немецким автоматом на шее, популярно объяснял прибывшимся, что они все находятся в распоряжении 75-й отдельной разведроты 6-й дивизии. И... либо подчиняются ее командованию, либо идут лесом, благо что его здесь на всех хватит. На вопрос: «Куда идете?» у старшины был готовый ответ: 60-й УР, город Пинск. До Пинска было 145 километров, дальше немецкая карта заканчивалась, а ни у кого из командиров, оказавшихся в этих лесах, и такой не было. На требование одного из командиров следовать в Кобрин ответил сам Иван:

– По нашим сведениям, утром 23 июня, отразив атаку 14-го мехкорпуса, части немецкой армии полностью захватили его. Сведения точные, вот немецкая карта, взятая нами на мосту через Мухавец в пять утра сегодня. Подкрепления к атакованным нами немцам подошли с востока.

До Кобрина было всего 30 километров. Утром там работала артиллерия, сейчас было тихо. А на западе под Брестом продолжала работать немецкая артиллерия, но туда «командир» почему-то не спешил. Сел тихонечко у костерка и жарил кусок мяса. Через три часа костры затушили. Выстроили бойцов, разделили их на роты и взвода и двинулись на Заболотье, где начинался 60-й УР. Через три часа движения к Ивану подошел тот самый командир. Так как он был без гимнастерки, документов и оружия, то командовать ему никто никем не поручал.

– Товарищ командир, разрешите обратиться!

– Обращайтесь.

– Здесь, в местечке Горы, находится армейский склад боеприпасов. Я занимал должность помощника начальника оперативного отдела штаба армии до апреля этого года. Затем понизили и направили в сорок вторую дивизию.

– Где это? – Иван достал карту.

– Вот здесь вот, у шоссе Томашовка-Кобрин-Минск. И там удобнее уйти в Павлопольский лес.

– Я подумаю, идите. – А в голове у него промелькнуло: «А почему, гад, сразу не сказал?»

Посоветовался со старшиной, который представил командиру список вооружений отряда:

– Три пулемета, из них два без прицелов, ДТ, сорок шесть винтовок, с тремя обоймами на человека и сорок пять пистолетов и револьверов у танкистов. Там максимум по две обоймы или меньше.

– Вот что, Алексей Иванович, сейчас сделаем привал, возьмешь сержантов, сбегайте туда. Тут пять километров. Без разведки туда соваться бессмысленно.

– Хорошо, – ответил старшина и, махнув рукой, подозвал сержантов 125-го полка.

Еще раз подошел «подполковник».

– «Стрелковка» находится отдельно, вот в этом здании, – он протянул листок бумаги, на котором изобразил план склада. – В остальных складах артиллерийские снаряды, вот здесь – противотанковые орудия восьмой противотанковой бригады. Она не завершила формирование.

«Отдыхали» полтора часа, затем появился сержант Тимофеев. Передал записку от старшины.

– На складе немцы, заканчивают работу, стоят в селе в полукилометре от складов. Здесь вот – караульное помещение, там отделение немцев с двумя пулеметами. Пулеметы на вышках, обзор сильно ограничен. Собак не видно. Проволока во многих местах прорвана. Есть шесть автомобилей.

– Понял. Батальон! Заканчивай перекур, подготовиться к маршу и бою.

Через пять минут Иван подозвал командиров рот и взводов и объявил боевой приказ.

Выдвигались почти час, начало темнеть, что было им на руку. Тимофеев вывел батальон точно. Одна рота выдвинулась к караульному помещению, вторая обошла склад и подготовила засаду для немцев в деревне. А четверо разведчиков проникли на территорию складов. Тихо уложили «спать» двух часовых, и самый маленький Беглов через окно проник в склад стрелкового вооружения. Подал четыре ящика с винтовочными патронами и ящик пистолетных. Открутил гайку, которая держала засов двери. И через окно вылез обратно. Иван немного изменил план, решив снять и остальных караульных, но пришлось стрелять по пулеметчику на вышке. Зазвучали выстрелы у караулки, затем там грохнул взрыв гранаты. В селе зажглись фары автомобилей, но кто-то поднял роту в атаку. Завязался бой в селе. Выдержки не хватило у «отцов-командиров». Впрочем, немцы боя не приняли, а отошли к шоссе. В соседнем селе стояло до батальона немцев, которые в пешем строю начали атаку, но им почти три километра топать.

Бойцы успели обнести склад, а танкисты вытащили два 45-мм орудия и «поработали» картечью, уложив немецкий батальон в поле. Оставив шестерых пулеметчиков прикрывать отход, Иван подал команду отходить, но сам остался с пулеметчиками и танкистами. Через полчаса немцы получили подкрепление, и бойцы начали отход. Старшина и два сержанта подожгли огнепроводные шнуры, склад инженерии здесь тоже имелся, и немцы были остановлены буквально перед самыми складами сдетонировавшими выстрелами и снарядами к крупнокалиберным орудиям. Форсировав осушительный канал, батальон перешел Павлопольский лес.

Хотя орудия пришлось бросить и дальнейший путь был мокрым и очень тяжелым, но через трое суток батальон вышел к Днепровско-Бугскому каналу и соединился с отрядом моряков Пинской флотилии у Большого Рудца. В ту же ночь его отвели на переформирование в Городец. Днем в Городец вышла сводная группа 6-й стрелковой дивизии, сформированная из оставшихся в живых командиров штаба дивизии, которые немного другим маршрутом и без боев отошли от Бреста, во главе с командиром дивизии полковником Попсуй-Шапко. Но они вынесли знамена дивизии, 84-го, 33-го и 125-го полков. Получили приказ на переформирование в городе Кричев, Могилевской области. Однако батальон, который вывел Иван, к этому времени был разбит на три команды и направлен на строительство укреплений на Березине.

Глава 4

Отход от границы и неожиданное предложение

Части 6-й дивизии к тому времени были сконцентрированы в группе генерала Василия Попова, командира 28-го стрелкового корпуса и вели ожесточенные бои на участках фронта у реки Ясельда и Птичь. 28 июня они отошли к городу Бобруйску, в строительстве оборонительных укреплений которого принимала участие команда лейтенанта Артемьева. На переправе через Березину Иван буквально столкнулся с Александром Матвеевым, который сопровождал комкора, получившего приказ отходить к Рогачеву. Ротный и теперь командовал 75-й ОРР, только теперь подчинялся не 6-й дивизии, а считался корпусной разведротой. Вопрос о принадлежности рабочей команды генерал-майор Попов решил мгновенно. Они побросали свои лопаты в автомашины штаба корпуса и через час были в Рогачеве. Там, правда, пришлось давать объяснения, где были эту неделю и что делали, но слушали его не слишком долго. Похлопали по плечу – и иди воюй!

Весь июль роту перебрасывали то туда, то сюда, бросая на усиление то в одном направлении, то в другом. Немцы наступали массированно, а из 14 600 человек первоначального состава 6-й дивизии осталось чуть больше двух тысяч человек, но фронт приходилось держать за полнокровную. Всего в группе Попова было чуть более полнокровного полка. 17 июля положение чуточку улучшилось, подошел корпус генерала Жидова, который предпринял несколько контрударов по немецким войскам, с целью не допустить захвата переправ через Днепр и Сож. Но немецкая разведка охотилась за успешно действовавшими штабами и подвергала их ожесточенным бомбардировкам, в один из дней такой налет уничтожил штаб 28-го корпуса, был тяжело ранен генерал Попов и корпус был расформирован с передачей всех частей другим соединениям. 75-я ОРР, действовавшая совместно с частями 4-го воздушно-десантного корпуса, была включена в 13-ю армию и переведена в подчинение 45-му корпусу генерала Магона, опять-таки как рота корпусной разведки.

В конце июля рота, с усилением, совершив тяжелейший марш по тылам противника и разгромив авиационный полк противника на аэродроме Хотвиж, перерезала шоссе Кричев-Рославль, отрезав танковую группу генерала Гудериана от снабжения. Магон срочно перебросил сюда дополнительно два полка и артиллерию. Но немцы среагировали быстро и окружили корпус. При прорыве из окружения 15 августа погиб его командир, но 75-я вышла к Студенцу, похоронив в Климовичах комкора, сумев сохранить боеспособность, подобрав бойцов и командиров из других частей 45-го корпуса. За Матвеевым и Артемьевым командующий фронтом выслал самолет, причем не командующий Центральным фронтом, а почему-то Брянским фронтом. Но сам генерал Еременко на аэродроме не появился. Их встретил дивизионный комиссар Пигурнов. Да еще и не один, а с целой толпой товарищей в фуражках с малиновым околышем. В первую минуту показалось, что их хотят арестовать. За что только, было непонятно.

– Прошу следовать за мной! – сказал комиссар, не объясняя причины, и они через несколько минут оказались в каком-то учебном классе, авиационном.

Сами начальники расселись, а «виновников» оставили стоять у стола. Посыпались вопросы о действиях роты в составе 45-го корпуса: где, кто, когда и как? Вопросов было много. Вначале «допрашивали» Матвеева, затем Артемьева. Группа Артемьева как раз и атаковала аэродром, причем с помощью немецких танков, тихо захваченных его группой неподалеку на отдыхе. Долго расспрашивали и о гибели генерала Магона. Похоже, не верили, что он действительно погиб.

Но разговор закончился совершенно неожиданным предложением: перейти в два партизанских отряда, которые будут действовать в брянских лесах, если противнику удастся потеснить части Красной армии. Причем не командирами отрядов, а так сказать, военспецами. Командовать там будут председатели местных колхозов и партработники. Дескать, специфику и людей в районах знают лучше, а обком партии и политуправление ищет для них «специалистов». При этом дивизионный комиссар Пигурнов был начальником политического управления фронтом. А у Матвеева в кармане лежит представление на должность командира разведбата 13-й армии, первую роту в котором должен принять Иван. Подписано оно было генералами Герасименко и Магоном, новый командарм Голубев тоже черкнул «Не возражаю». И тут их «обрадовали»: 45-й корпус расформируется, как не выполнивший своей задачи и потерявший практически полностью состав своего штаба. Тринадцатой армией теперь командует бывший комдив 129-й дивизии Городнянский. То есть подписанным представлением можно только подтереться.

Саша внимательно посмотрел на Ивана. Предложение ему категорически не нравилось: корпусная и армейская разведка – это один коленкор, а партизанский отряд, да еще с подчинением гражданским – это совершенно другое дело. Матвеев хмыкнул и прямо ответил начпуру, что в партизанских действиях мало что понимает.

– Мое дело – войсковая разведка. С остальными ее видами я незнаком.

– Хорошо, возвращайтесь в свою часть. А вы, лейтенант?

– Я тоже незнаком с действиями партизанских отрядов.

– У нас совершенно другие сведения! – вмешался в разговор майор госбезопасности. – Имеются ваши собственноручные показания, что при отходе от города Брест вами и старшиной 75-й ОРР была создана сводная группа в количестве 427 человек, которую вы сумели вооружить, обеспечить боеприпасами, питанием и с боями вывели ее в расположение войск Пинской флотилии. Затем еще дважды вы создавали такие группы для выхода из окружений.

– Товарищ майор госбезопасности, основу этих групп составляли военнослужащие РККА. Гражданское население не принимало в них участие. И я всегда был на командных должностях в этих группах. Либо командиром, либо его заместителем, но командиром группы в этом случае был старший лейтенант Матвеев.

– Насколько я понимаю, – вновь заговорил Пигурнов, – основной вашей претензией является ваше подчинение гражданским лицам?

– Совершенно верно.

Начпур посмотрел на майора ГБ и произнес:

– Четвертый отряд?

– Не возражаю, но требуется обучение, – ответил майор Судоплатов. Он порылся в своей сумке и положил перед Иваном бланк. – Заполните, пожалуйста.

Обернулся к остальным участникам «совещания» и поблагодарил их. Через полчаса, вместе с еще 12 командирами и красноармейцами, они вылетели из Брянска куда-то на северо-восток.

Глава 5

В разведшколе ОсНаз и первое задание

Куда летят – никому не сказали, в «школу». Всего на борту было пятнадцать человек: тринадцать будущих курсантов, майор ГБ и полковник-пехотинец. В самолете было шумно, Иван впервые пользовался таким транспортом. От двух ревущих двигателей пассажиров отделяла тоненькая перегородка из металла, которая сама вибрировала, так что не переговорить. Да и в подписанных бумагах запрещалось расспрашивать детали биографии курсантов и инструкторов. Все обучение пойдет под грифом. Летели не так долго. С географией и умением ориентироваться по карте у Ивана было вполне хорошо, поэтому он без труда «опознал» изгибы Оки, город Рязань, где приходилось бывать на учениях, и аэродром в Сельцах в тридцати пяти километрах от города. Там всех переодели в десантные комбинезоны и куртки без знаков различия, на голову нахлобучили десантные матерчатые шлемы, выдали прыжковые ботинки и выгнали в лес, где началось строительство базы.

Через сутки курсантов стало тридцать человек, разбитых на пятерки: один радист, два пулеметчика и два вторых номера. Каждая «пятерка» имела «отдельный коттедж» или «усадьбу», вырытую самими землянку-блиндаж, расстояние между блиндажами не менее пятисот метров. С остальными «пятерками» общались только на занятиях по ПДС². Часть «пятерок» имели смешанный состав, мужчины и женщины, но в их группе женщин не было.

Через неделю Иван убедился, что его просьбу: направить в школу старшину Архипова и сержантов Беглова с Тимофеевым, майор Судоплатов выполнил, хотя самого его в школе видно не было. Но все они бегали в разных «пятерках». Занятия велись по очень интенсивной программе, на сон отводилось не более трех часов. Второго октября состоялся выпуск и впервые всех выстроили на плацу возле аэродрома. Курсантов оказалось гораздо больше, чем 30 человек. Они были всего-навсего взводом в бригаде особого назначения, командовал которой полковник Медведев. На построении он сообщил, что немцы прорвали фронт под Брянском и начали наступление на Москву. Первый батальон будет направлен на Брянский фронт, второй на Западный. Третий батальон пока будет находиться в резерве. Четвертый батальон имеет особое задание, которое будет доведено до каждого позже. Транспортный полк уже находился здесь, и два батальона приступили к погрузке. Третий отправился в сторону военного городка, а их четвертый батальон приступил к укладке парашютов. Иван почувствовал чью-то руку на плече, рядом с ним остановился один из инструкторов, которого он знал как Лукова.

– К-к командиру, – сказал он, и Иван пошел за ним.

Луков немного заикался, видимо, контузия. Однако командиром оказался не комбат Ракитин, а сам Медведев.

– Кого из штаба тринадцатой знаете?

– Иванова и Петрушевского.

– Иванов – оперативник?

– Да.

– А Цехановского знаете?

– Конечно.

– С тринадцатой двое суток как потеряна связь. Штаб армии располагался в Севске. Смотри сюда. – Полковник снял кальку с карты. – Удар второй группы пришелся прямо на Севск. Немцы ударили не там, где их ждали, а в стороне от шоссе, от Ромашково на Севск. Задача: найти командование Тринадцатой армии и передать им приказ Ставки. В случае

---

² Парашютно-десантная служба.

«непредвиденных обстоятельств» пакет уничтожить. Пойдут еще две группы: одна севернее, другая южнее. Вот здесь – закладка, там есть радиостанции. Выведешь их туда. Возьмешь своих. Ступай, готовьтесь.

Их еще и поторапливали! Но покормили, а как только стемнело, усадили в самолет, и через два часа загорелся сигнал «Пошел!». Пять парашютов закачались над темной землей. Внизу – ни единого огонька. Глазу не за что зацепиться. Под ними оказался лес, хотя сбрасывать должны были в поле. Иван тут же вспомнил, что первым русским штурманом был Иван Сусанин. А первым советским – матрос Железняк. Хруст веток, сильный удар по лицу, брызнула кровь, и Иван повис на дереве. Сумел раскачаться и зацепиться за ветку вяза. Кое-как перебрался на нее, затем полчаса воевал с зацепившимся за ветки перкалем, пока не сдернул его. А вокруг никого! И где его группа – он не знает. Сырой темный лес. Парашют он забросал валежником в какой-то ямке, предварительно отрезав часть строп.

Выбросили их в той одежде, в какой были, так что «маскироваться» бессмысленно. У всех это третий прыжок – и первый ночной. Да и на лес никто из них никогда не прыгал. И ни одного ориентира! Пошел по спирали, тщательно отсчитывая шаги и засекая по компасу направление движения. Он выходил последним из самолета, но ему не был известен его курс. Тем более что бросали через облачность. Через два часа он обнаружил затоптанную полянку, на траве отчетливо были видны следы прыжковых ботинок. Кто-то из своих! Осторожно покричал через манок голосом сойки. Вот только ночью сойки молчат. В ответ раздалось кряканье селезня. Засек направление и двинулся туда. Радист, но без радиостанции. Она так и осталась висеть на дереве. Сидит под ним и тихонько матерится. Тут и пригодились стропы, из которых соорудили что-то вроде штормтрапа. Вдвоем стащили изодранный в клочья парашют, затем слышали щелканье «тек-тек-тек» горихвостки. Это сигнал тревоги. Тем не менее двинулись на звук. Осторожно, стараясь не шуметь. Горихвостку изображал старшина, и повод для этого был.

По лесной дороге двигался обоз: две телеги, четверо человек, а в крайней телеге явно виден купол парашюта. Двигаются медленно, настороженно. Немецкие «курцы» на коленях. Пальцы на спуске. Ночь, страшно! Лейтенант и старшина выскочили из-за деревьев, когда на противоположной стороне громко хрустнул веткой радист. Два удара ножом по сидящим в последней телеге и рывок вперед. Иван наотмашь ударил прикладом автомата вставшего полицейского, а возница бросил вожжи и поднял руки. Но дедок был непростой: обрез и наган у него имелись. Во второй бричке находился сержант Беглов, раненный каким-то суком, связанный и с кляпом во рту. В момент, когда охлопывали старика-полицая, прозвучало кряканье селезня. За обозом двигался Тимофеев.

– Лейтенант, там сзади еще около двадцати человек полицаев, из Суземок подошли, там немцы, и в Свердловке – немцы.

– Здесь что-то не то! За тобой кто-нибудь шел?

– «Хвоста» не было.

– Все, отходим. Кирилл, отгони лошадей подальше. Леша, следы! Санька, идти можешь?

– Не пробовал.

– Помогу, – сказал Иван и подтолкнул дедка в сторону леса. Дабы не убег, подстраховался стропой.

Четверо полицаев были из деревни Горожанка. В Суземках – железнодорожная станция, а у Горожанки был немецкий аэродром, немцы вчера перелетели дальше. Стоят они здесь уже давненько, вот и наплодили «хиви». Старичок весьма злобный оказался, старый «друг» Советской власти. Ну и пусть полежит в брянском лесу, зачем воздух портить.

Аэродром обошли, углубились в лес и через 16 километров встретили первую группу окруженцев-кавалеристов из 112-го горно-копытного полка. С ними 75-я рота выполняла два рейда в июле и в августе. Они из группы генерала Городовикова, единственного на всю Крас-

ную армию генерала калмыка. Инспектора кавалерии РККА и личного друга Семена Михайловича Буденного. Возглавлял группу окруженцев капитан Ерохин, начальник разведки 112-го. Так что приросла группа весьма солидно и через сутки выполнила основную часть задания: нашли штаб 13-й армии и передали им приказ. Затем обеспечили штаб армии новой радиостанцией. Генерал Городнянский оказался вполне неплохим командующим и, хотя приказа у него не было, выполнил заранее то, что от него требовала Ставка: развернул армию в противоположную сторону.

Группе оставили кавалеристов, и она занялась поиском путей отхода армии на рубежи реки Зуша. А это более 150 километров по тылам противника. Но в приказе Ставки была оговорка: тяжелое вооружение не бросать. Поэтому, помимо поиска путей отхода, приходилось искать топливо, продовольствие, боеприпасы. Увы, с этим вопросом было откровенно слабо. Тем не менее, пройдя через захваченный немцами Севск, фланговым ударом, через две недели остатки армии заняли оборонительный рубеж на участке Фатеж-Льгов. Восемь дней под непрерывным дождем удерживали его, не пуская немцев в Курск. 23 октября немцы вновь перешли в наступление, и пришлось отходить, так как в армии к тому времени было чуть больше дивизии бойцов. Отошли к рекам Сосна и Тим и закрепились там. Противник выдохся и перешел к обороне. Еще до расформирования Брянского фронта Второе управление НКГБ поинтересовалось у Городнянского: где находится группа лейтенанта Артемьева, и их четверых отправили из Тима обратно в Рязань. Беглов еще в Красной Слободе был направлен в госпиталь и в прорыве не участвовал. После выздоровления воевал в отряде полковника Медведева, который сам возглавил первый батальон, высаженный под Брянском.

Глава 6

Небольшой отпуск по ранению

Иван получил орден Красного Знамени из рук командарма еще под Фатежем, а «Красную Звезду» по линии НКГБ вручили в Рязани, там предоставили и пять суток отпуска из-за незажившего пулевого ранения в левое плечо, обязав амбулаторно лечиться в медсанбате бригады. После того, как вскрыли выходное отверстие и выпустили оттуда гной с кровью, стало понятно, что пятью сутками здесь не обойдешься. Рану он подзапустил. Побаливала, иногда подергивала, да не до того было. Первые сутки он просто проспал, а после второй перевязки ему стало ясно, что требуется что-то предпринимать, так как доктора грозятся уложить в армейский госпиталь. Решил написать Медведеву, чтобы улететь с ближайшей группой в брянские леса. Когда искал карандаш, в полевой сумке наткнулся на тот самый браслет. Надел его на больную руку и пару раз крутнул, чтобы он удобнее лег на запястье. Тут ему малость поплохело, он потер глаза и свалился на подушку, так как сильно закружилась голова. Никакой связи с браслетом он не уловил, но как только глаза закрылись, перед ним, как во сне, появился странный прибор, на котором мерцала надпись: «Введите пин-код». Ну, как на современном картридере. Невероятным усилием воли, вслепую, глаза не открывались, разведчик сорвал с руки браслет.

Он догадался, что «видение» связано с ним. Головокружение прошло, «приборчик» исчез, он сел на кровати, благо что для «отпуска» ему предоставили отдельное помещение. Прокрутив в памяти утро 22 июня, он вспомнил, что «юрист» советовал не надевать браслет до тех пор, пока не будет в спокойном месте. И еще цифры какие-то говорил. Код он вспомнил, но «браслет» его напугал. Тем не менее, во-первых, было любопытно, что это такое, во-вторых, «юрист» показал молодому взводному, как требуется относиться к себе и врагам на этой войне, в корне изменив психологию лейтенанта. Его, юриста, он часто вспоминал, и он служил ему примером. Здорово помогало. Не раз он выкручивался из весьма «скользких» ситуаций именно потому, что перед глазами был пример этого человека. Ну, а более спокойного места на Земле сейчас не найти.

На вечерней перевязке врач, осмотрев рану и повязку, сказал Ивану, что у него прорвался еще один тромб с грязью, и упала температура. Угроза развития гангрены отступила. Ваня мгновенно приписал это дело не стрептоциду, а браслету. В кино он не пошел, лег на кровать и надел браслет. Ничего не произошло. Он вспомнил, что днем он еще и крутил его на руке. Браслет работал только в одном положении, хотя никаких специальных отметок на нем не было.

Вновь закружилась голова и появился странный прибор. Кнопки с цифрами были, но как их нажать? В общем, как в басне Крылова про обезьяну и очки. Первый раз получилось совершенно случайно и нажал не на ту кнопку. Когда удалось отменить ввод, то радовался, как ребенок. Набрал все четыре цифры, но ничего не происходило до тех пор, пока не нажал на зеленую кнопку. «Код принят» – подтвердил прибор, исчез картридер, появился текст на экране, где его назвали «Новым пользователем» и предложили ответить на два вопроса: добровольно ли он пошел на установление контакта, с пояснением: контакт не может быть увиден или услышан другими людьми. Если вас заставляют сделать этот шаг, достаточно нажать кнопку «Нет», чтобы прибор навсегда прекратил контактировать с вами, а ваш пин-код будет аннулирован. Иван усмехнулся мысленно, внешне казалось, что он глубоко спит и иногда шевелит левой рукой с браслетом. Второй вопрос был о возрасте, никаких предупреждений не было, и он нажал «18+». После появления схемы человеческой фигуры с мерцающей красной точкой на левом плече он было решил, что это – медицинский прибор, который сейчас начнет его лечить, однако никаких таких действий не последовало. Прибор констатировал то, что он

уже слышал от доктора: угроза заражения минимальна. Затем возникло что-то вроде анкеты, но составлял ее явно невоенный человек: в ней не было граф «звание», «должность», «номер войсковой части» и тому подобного, что существует в любой проформе для допроса пленных. Форма была построена так, чтобы узнать: что интересует «нового пользователя». Еще он обратил внимание, что в первую очередь требовалось установить век. Там были цифры как отрицательные, так и положительные до XXIV века. Интересная особенность! Когда он установил в окне 04 ноября 1941 года, установив до этого страну пребывания «СССР», а место проживания в настоящее время «Рязанская область», то появилась подробная, на несколько страниц, сводка боевых действий на всех фронтах за сегодняшнее число. Упоминались даже Тунис, Ливия и Египет. В конце сводки стоял вопрос: насколько вам интересно знать историю этой войны? Он отметил: «Очень». «Хотите узнать о себе?» – «Да». – «Введите номер военного билета или удостоверения личности». Что такое «удостоверение личности», он не знал, ввел номер командирской книжки. Ответ ударил по нервам: «Пропал без вести 22.06.1941 года. Вычеркнут из списков части 03.07.1941. По другим сведениям, погиб 22.06.41, прикрывая переход бойцов 75-й ОРР через Минское шоссе у деревни Ямно. Место захоронения не известно. Запись внесена 28 июня 1959 года, со слов сослуживцев, С. С. Смирновым». Далее следовал перечень номеров архивных документов, их было всего два.

«Всё врут календари!» – подумал Иван и крутнул браслет на руке, разрывая соединение.

Встал, надел ботинки, накинул куртку и вышел на улицу. Слегка подмораживало, он пошел в сторону курилки у медсанбата. Сам он не курил, но постоять-послушать треп в курилке было всегда интересно. Тем более что ему только что сказали, что он давным-давно мертв. Желание остаться у Ямно было, и браслет он так никому тогда и не передал. Разговор со старшиной на эту тему у него был, но старшина тогда сказал, что рота существует, и Иван – ее командир, так что «исполняйте свои обязанности, товарищ лейтенант»! Хмыкнул про себя, что он – мертв, поэтому его пули и не берут. Но тут он не слишком удачно оперся на левое плечо, которое отозвалось болью. Пули его брали, и кровь в нем живая. Немного с гнильцой, но это пройдет. Попросил у одного из раненых оставить пару затяжек. Боец оторвал часть мундштука у «Пушки», командиров в курилке не было, но более одной затяжки Иван сделать не смог. Вернул папироску бойцу, поблагодарил и пошел к себе в комнату.

До самого утра смотрел сводки, кинохронику, больше всего его интересовал именно 1941 год. Там он и узнал о битве под Москвой, в том числе и о маневре 13-й армии. Все точно, его фамилия, правда, не упоминалась. Написано и сказано было только о том, что Ставка была сильно обеспокоена отсутствием связи и предприняла большие усилия для поиска «исчезнувших» 3-й и 13-й армий. Обе армии вышли из окружения и потом воевали рядышком на Юго-Западном фронте. Узнал он и о наступлении под Москвой и о параде войск. Утром поделился «новостями» с доктором и понял, что болтанул лишнего. Перевел этот разговор в сон, а то доктор на него несколько странно смотрел и еще раз измерил ему температуру.

– Да не волнуйся ты так, лейтенант. Это бывает, когда резко падает температура после стрептоцида. А мозг твой выдал тебе во сне то, чего мы все хотим: разбить немцев и отомстить им за всё. Есть у меня чудодейственное средство: малина с сахаром и C_2H_5OH . Развести водой, добавить пятьдесят граммов спирта, принять микстуру и хорошенько выспаться. Наташенька, возьмите у него талоны на питание, сохраните обед в провизорской, вечером его перевяжем, покормим и, так и быть, на танцы вас отправим.

Иван вдруг понял, что «юрист» погиб не в городке, а за ним, что он точно знал, что произойдет утром в 4 часа декретного, но никому ничего «доказать» не смог, хотя имел не два кубаря, а три шпалы. Что язык надо держать за зубами, и что что-то в этом мире уже поменялось, если он – жив, юрист – мертв, а время – не остановить.

По совету врача он проспал до вечерней перевязки. Завтра 7 ноября, немцы уже в Красной Поляне, нервы у всех на пределе, в бригаде в настоящее время переменного состава нет.

Третий батальон убыл на Северо-Западный фронт, четвертый батальон занимается «глубинной», оперативно-тактической, разведкой, помогая окруженным частям на всех трех фронтах. А он дурью мается из-за того, что вовремя не делал перевязки. Его покормили до отвала в перевязочной, отвели в клуб, где кроме выздоравливающих бойцов не было никого. Только девчонки из санбата и банно-прачечного батальона, которые по очереди приглашали тех бойцов и командиров, кому ноги позволяли танцевать. У него была «верхняя конечность» на перевязи, он пользовался успехом, к тому же единственный в форме, остальные бойцы и командиры были в госпитальных халатах. Небольшого росточка медсестричка, конопатая, с ярко-рыжими волосами, маленькая, дышавшая ему чуть ли не в живот, пригласила его на посиделки после танцев, чтобы все услышали, за что он получил ордена и отпуск.

Начальство в те дни было особо прижимистым на это дело. Обещать он не стал, потому как надеялся на то, что Наташа, которая его и привела сюда, и первая пригласившая его на «белый танец», еще вернется, как обещала. Отдельная комната в небольшом коттедже у него была. Соседей не было. Но Наташи было не видно. Та и повыше, и гораздо более симпатичная. А завтра отпуск заканчивается в 21.00. Опытным покорителем сердец, как вы поняли, лейтенант не был. Зоинька-Заинька иногда позволяла ему трогать недозволенное, но после первой и последней его попытки пойти чуточку дальше – дала отпор и несколько дней даже не здоровалась. Это была игра, которую лейтенант не понял. Впрочем, это были дела давно минувших дней. Наташа появилась, и не одна, в компании трех операционных сестричек. Они составляли «элиту» госпиталя: ассистировали на операциях и производили первичный осмотр, самостоятельно решая, кому первому «идти на стол». В большинстве своем имели неоконченное высшее образование или заканчивали до войны медицинские училища по этому профилю. Остальные девочки либо наблюдали за ранеными в палатах, либо занимались уборкой помещений. Кроме курсов санинструкторов ничего закончить не успели. Так что среди младшего медицинского персонала операционные сестры были на особом положении. К тому же имели воинские звания младшего командного состава. Наташа была старшиной медицинской службы. Иван успел потанцевать со всеми четырьмя, прежде чем объявили, что все приглашаются на просмотр кинохроники и клуб закрывается. Делалось это специально, чтобы «танцоры» расставили ряды кресел в зале после себя. «Умненькие» младшие командиры распределили бойцов и медсестренок с прачками для того, чтобы привести зал в порядок. Они для этого сюда и пришли. Следом появился дежурный, который разрешил включить проектор.

Хроника была старой, еще осенней, о боях под Смоленском и Гомелем. Иван этой хроники не видел, и вдруг на экране появился он сам. Было такое! Добились небольшого успеха под Дрибином, неожиданно атаковав походную колонну немцев, вместе с кавалеристами Городовикова. Снимали в основном их, а те не забыли о разведчиках, которые и привели их в Темный Лес. Это станция там так называется. Немцы перебрасывали туда строителей и «пионеров» для восстановления движения. Они-то и попали под кавалерийскую атаку. Увы, того, что тогда говорил Иван корреспонденту, никто так и не услышал. За него говорил диктор, а он уговаривал «Костю» Симонова (настоящее имя у него Кирилл, но писал он всегда под псевдонимом Константин) сворачивать все это безобразие и мотать отсюда. Немцы через несколько минут ударили авиацией и серьезно потрепали кавалеристов. Но редакторы оставили в кадре эмоционального командира разведки, снабдив его за кадром совершенно другим текстом. Не выдержав, Иван развернулся и вышел из клуба. Однако его узнали, и старшина медслужбы с подружками вышли следом.

– Что такое, Ванечка? Что не так? – У Наташи был красивый голос, Ванечкой она его называла на перевязках, когда ей приходилось делать ему больно.

– Потрепали нас у Темного Леса, сразу после съемок. Если бы не снимали, успели бы уйти. Женя, оператор, погиб в двухстах метрах от этого места. Мы потом неделю выбирались оттуда по тылам. Я думал, что этой пленки не сохранилось.

– Ничего, Ванечка, мы вернемся. Я сама из Минска.

Они пошли все впятером в его комнатушку. У него еще сохранилось немного спирта, но Клавдия, старшая медсестра, увидев его количество, вышла с еще одной сестричкой за закуской, и вернулась с 400-граммовой «мензуркой» в кармане халата. Но посиделки были грустные, пока Светлана, одна из девушек, не заметила, что на улице пошел сильный снег. Они поиграли в снежки, но вышел дежурный по медсанбату, и «посиделки» закончились. Увы! Иван нехотя отпустил руку Натальи, всем своим видом показывая, что этого ему совсем не хочется. Она его поцеловала, но быстренько, в щечку, чуть сильнее дернула руку и пошла в сторону госпиталя, лишь единожды обернувшись. Лучше бы не оставались на кинохронику! Некоторое время Иван еще ждал, что она вернется, но этого не произошло. Вниманием девушки обижены не были, всегда на виду, и «романчики» не крутили, тем более что в любой момент могли подвезти раненых из Дивова или с аэродрома.

В 12 часов радио сообщило, что в Москве прошел парад и на нем выступал Сталин, нарком обороны. Он принимал парад. Слухи ходили разные о месте его пребывания. Большинство склонялось к тому, что он в Куйбышеве или за Уралом, и объясняли это тем, что угроза Москве большая, и в Москве прошла эвакуация. Фильм, снятый на Красной площади, и показавший всех первых лиц на трибуне Мавзолея, имел огромное значение для войск под Москвой, да и на других участках фронта. Услышав сообщение по радио о параде, Иван зашел к начальнику госпиталя капитану Евдокимову, но не с целью сказать ему, что «я же говорил!», а попросил выписать его, так как отпуск заканчивается в 21.00. Ответил тот грубовато:

– Не дала? Она никому не дает! У нее муж в армии, и давно нет о нем известий. Летчик. Не обращай внимания. Выписать не могу, рана еще не закрылась. Я имею право продлевать отпуска. Продления у тебя не было.

– Оно мне не нужно, и отпуск не нужен, товарищ капитан.

– Отпуск нужен всем, даже мне. Не мозоль мне глаза.

Пришлось решать этот вопрос через штаб бригады, но из-за погоды самолеты никуда не летали, поэтому, даже получив назначение, пришлось возвращаться в «свой домик», сходить на очередную перевязку. Но Наташи в перевязочной не было. С Галиной, еще одной вчерашней знакомой, он поделился тем, что уже не в отпуске и ждет борт.

– Девочки сегодня не придут, они на сортировке, вернутся только утром, а после сортировки только спать хочется. Улетаешь, значит? Ты же не долечился.

– Заживет, теперь точно заживет.

– Возможно. – Галина завязала узелок на бинте, щелкнула его пальцем по носу. – Свободны, товарищ лейтенант!

– Есть свободен.

Через пару часов, уже после отбоя, кто-то постучался в его комнату.

– Входите, открыто!

Вошла Галина в новеньком белом полушубке.

– Еще раз здравствуйте, товарищ лейтенант. Я тут вам кое-что на дорожку принесла, – сказала она и прошла к столу, на который выложила несколько свертков, десяток индивидуальных пакетов, поставила небольшую медицинскую бутылочку. Вернулась к двери и закрыла ее на щеколду.

– Что ж вы, даже раздеться не поможете?

Визит был совершенно неожиданный, и Иван несколько растерялся, но помог снять полушубок и сапоги. Девушка достала из кармана халата тапочки и прошла к обратно к столу. Быстро нарезала хлеб, сало, разлила уже разведенный спирт, поставила свечу на стол и зажгла ее. Затем погасила яркую лампу под потолком без абажура.

– Мне не нравится яркий свет в ночное время, операционную напоминает. Что ж вы сидите на кровати? Проходите к столу, я проводить вас пришла.

Сразу после того как выпили по чуть-чуть, стоя, за «Победу», Галина подошла к нему и крепко, требовательно его поцеловала. Ее язык попытался раскрыть Ивану губы, и под двойным халатом у нее ничего не было, она прижалась к нему и положила его руки себе на ягодицы. Своей рукой начала расстегивать халат. Она пришла за «этим»! В общем, местное начальство не сильно поощряло отношения между сан- и ранпер-соналом. Могло и на фронт отправить за такое. А это – не территория госпиталя, и Ваня – отпускник, более того, в госпитале больше в ближайшие дни не появится. С ним можно, и даже нужно. И ему нужно, и ей. Она была старше Ивана и свое умение направила на то, чтобы его «завести», что ей и удалось. Они переместились на кровать, и Гала, она так себя называла, помогла ему справиться с непривычной ситуацией. Опыта у Ивана не было, все у него произошло почти мгновенно, но девушка была готова к тому, что именно так и произойдет. Поменяла позицию и вновь почувствовала, что Иван снова готов. Наконец, на третий раз, все получилось и у нее самой.

– Ой, как хорошо! Первый раз?

Иван кивнул.

– Видишь, как мне повезло! Сейчас чуть-чуть отдохну, а то сердце колотится, как бешеное.

Она действительно отдыхала не долго, и в этот раз сумела завести Ивана на все сто. Когда он остановился, уронив голову на ее плечо, она ласково погладила его по спине.

– А ты способный! Выжал меня как лимон, сил больше нет. Ложись рядом, слезь с меня, а то уснем! Я сейчас уйду, иначе хватятся и попадет.

Свеча давным-давно прогорела, она зажгла новую и прикурила от нее.

– Будешь?

– Я не курю.

– Я знаю, но после этого тянет.

– Ну, давай. – Иван «невзятяг» закурил какую-то ароматную папиросу.

– Это – женские, «Дюшес». В Москве купила, обычно их не курю. Предпочитаю «Казбек», но не в таких случаях.

Она поднялась с кровати, повернулась лицом к Ивану и вся потянулась.

– Господи, как хорошо! – Круги на сосках у нее совершенно расплылись. Она надела свои халаты, чмокнула Ивана в нос, затем чуть прикусила ему губу и тут же поцеловала ее.

– Не вставай и не провожай меня. У нас ничего не было! Запомнил? И Наташке твоей мы ничего не скажем. Да и не получится у вас ничего. Она другого Ивана ждет. А я на своего уже похоронку получила. Мне можно! – Вставив голые ноги в сапоги, Гала надела полушубок, застегнулась, откинула щеколду, но вернулась и еще раз крепко поцеловала Ивана.

– Кругом! – скомандовала она себе. – Шагом марш! Возвращайтесь живым, – отдельно сказала она и вышла, впустив в комнату клубы пара и снега.

Лучше бы она о Наташе и не напоминала! Испортила все настроение. Впрочем... Иван помылся под холодной водой, убрал все со стола, в том числе и возле кровати, так как девушка не забыла об изделиях № 2. Подобрал несколько заколок, оказавшихся на полу. Выяснилось, что и постельное белье придется сменить, но это были уже мелочи. Недовольство на Галину куда-то ушло. Встряску он получил отменную! Эх, Зоинька-Заинька! Ну ты и дура! Раньше он так о ней не думал.

Усталость взяла свое, и проснулся он только тогда, когда в его дверь вновь постучали. Посыльный из штаба передал, что борт из Москвы вылетел, скоро сядет и через три часа пойдет обратно. Глянув на часы, лейтенант понял, что успеет на еще одну перевязку, пообедает и, может быть, успеет попрощаться с девчонками. Со всеми, не только с Галей или Наташей. Он обратил внимание на то, что первой в мыслях теперь стояло другое имя.

– Разрешите, товарищ капитан? – спросил он разрешения, открыв дверь в перевязочную и увидев там Евдокимова.

– Да, проходите! Старшина Уланова! – позвал он Наташу.

Та вошла из другой двери, на ходу надевая резиновые перчатки. Взяла ножницы и подошла к Ивану.

– Добрый день, товарищ лейтенант. Садитесь и руку поднимите, пожалуйста.

Она обошла стул, на который сел Иван, срезала узелок и начала быстро сматывать бинт. Бинты не выбрасывали, их стирали, сушили, стерилизовали паром и проглаживали на вальках, сматывали и вновь стерилизовали паром. И так до тех пор, пока бинт мог выполнять свои функции. Перевязочного материала требовалось очень много и его берегли. Подошел военврач, потрогал пальцами рану со стороны спины, выходное отверстие.

– Не передумали насчет продления отпуска?

– Нет, товарищ капитан, борт уже сел, через два часа вылетаю.

– И куда?

– Истринское направление.

Врач не ответил ничего, прошел к столу, что-то черкнул в документах. Хмыкнул, произнес что-то вроде: «И сразу к черту на рога!»

– Я вас выписал. Счастливого пути. Постарайтесь в течение двух недель на левом плече ничего не носить. – Капитан встал и вышел.

– До моего возвращения не входить! – громко скомандовал он в коридоре. Иван почувствовал, что ему обхватили голову и крепко прижались к нему. Раздались хлюпающие звуки. Наташа плакала. Но его попытку встать и развернуться парировала:

– Сидите, ранбольной! Я еще не закончила! – И еще несколько раз шмыгнула носом. Обвила повязку вокруг шеи, закрепила ее и разорвала бинт, чтобы его завязать. – Мы ночью четыре эшелона с ранеными из-под Истры разгрузили. Это я не по вам реву, товарищ лейтенант. По вам плакать еще рано.

– Да, несколько преждевременно.

– Одевайтесь, я закончила.

– Язык твой – враг твой, Наталья.

– Я знаю! Вот только возвращаться не надо! Ваша бригада получила распоряжение перебазироваться под Москву. А с ранеными не приезжай. Ты мне живым нужен, Ванечка. – И она вся потянулась к нему.

Они еще несколько минут целовались, оба возбуждись и не могли оторваться друг от друга. И пока не раздалось покашливание главврача, они так и стояли возле перевязочного стола.

– Уланова, могу дать тебе час, проводи лейтенанта.

Не говоря ни слова, Наташа взяла за руку Ивана и прошла к вешалке с полушубками.

– Я быстро, Сан Федорыч.

– Следующий! – вместо ответа прокричал военврач.

Вести Наташу в комнату, где еще несколько часов назад была Галя, Иван посчитал кошунством, да и сама Наташа, выйдя из госпиталя, сказала:

– К тебе, на глазах у всех, я не пойду. Совершенно неправильно меня поймут.

Она взяла его под руку, и они пошли по расчищенной дорожке в сторону аэродрома. Многие смотрели им вслед. Свои вещи Иван забросил на аэродром еще вчера.

– Вообще-то я знаю место, где никого нет, и мы сможем побыть одни.

– Мне этого очень хочется. Это далеко?

– Если свернуть на эту тропинку, то метров двести, там штабная землянка нашего батальона, с комнатой отдыха. И даже с печкой. – Наташа озорно улыбнулась.

– Я знала, что ты что-нибудь, но придумалась.

После поворота на заснеженную тропу она неожиданно побежала:

– Догоняй! У нас мало времени!

Заперев землянку изнутри и плеснув немного бензина на уже уложенные дрова в печке, они занялись организацией гнездышка из кучи одеял, лежавших на верхних нарах. Наташа нырнула под одеяло и раздевалась там.

– Помоги. Брр, какой ты холодный! Иди сюда, я тебя согрею!

Она была очень возбуждена и замерзнуть не успела, точно рассчитав, что под одеялами будет теплее. С момента, как они соединились, она не смогла произнести ни одного слова. Действовали только ее руки и губы. Затем она тихо застонала и через несколько мгновений зажала себе рот рукой, а второй требовательно задала новый темп, и вдруг вся вытянулась в струнку. Ее тело несколько раз изогнулось. Сдавленный крик, и Иван ощутил себя мокрым, и его тоже затрясло в оргазме.

– Не дви-гай-ся. Не ше-ве-лись. – Она обхватила его ногами и замерла. Глаза были совершенно мокрыми от слез.

– Ты чего? Что-то не то вспомнила?

Она отрицательно покачала головой.

– Все хорошо, все чу-дес-но. Сколько времени?

Время бежало неумолимо, увы! Им оставалось быть здесь только несколько минут. Они оделись и привели себя в порядок. Иван забросал снегом следы и пошел направо, в сторону аэродрома. Зашли на С КП за вещами и вернулись на стоянку. Наташа много говорила. Оказывается, ее муж погиб на третий день войны, но специфика госпиталя и огромное внимание, которое ей оказывала мужская часть «общества», вынудили построить такую баррикаду. Иван, который почти три недели бегал с простреленным плечом и температурой, произвел на нее впечатление. Плюс ордена, плюс Сан Федорыч, который знал, что ее Ивана уже нет, обратил внимание на то, что она перевязывает разведчика не так, как остальных раненых.

– Что делать? Я влюбилась, хотя знаю тебя всего ничего. Вполне возможно, что это просто зов плоти. Я себя одергивала, останавливала, но чувствовала себя, как кошка в марте. Только посмотрю на тебя, прикоснусь к тебе, и сразу мокрая, и внизу жарко. В ночь на седьмое очень хотела к тебе вернуться, и девчата подначивали, но раненых привезли, и я девчонкам сказала, что в мыслях не держу никого, кроме Ивана. Но тебя же тоже зовут Ванечкой. И если повезет, то и твоего сына назову Иваном.

Из СКП вышел экипаж транспортника и еще несколько человек в шинелях. Все, время вышло! Увидев их, Наталья повисла на шее у Ивана.

– Я в любом случае буду тебя ждать, возвращайся живым и здоровым. Только не в поезде с ранеными. Умоляю!

А скрип снега под ногами все ближе и ближе.

– Все, Наташенька, тебя ведь только на час отпускали.

– Ой, боже мой!

Еще несколько раз поцеловала его, сделав несколько шагов назад, она повернулась и побежала, неумело размахивая руками и ногами. Иван поднялся в самолет под ухмыляющимися взорами какого-то генерала и его команды. Но шуточек в его адрес никто не отпустил.

Глава 7

В тылу противника на Нарофоминском направлении

Через сорок минут борт сел в Чкаловском, однако в ожидавшей его машине был совершенно другой приказ куда ему ехать. Вместо фронта его направили в Стаханов, в Кратово, где начала подготовку еще одна бригада ОсНаз, на этот раз лыжная. Увы, проще было продлить отпуск. На первой же тренировке вновь разорвал рану на выходном отверстии и две недели работал инструктором по огневой подготовке, так как его от лыж отстранили. В общем, торопливость нужна при ловле блох. А тут еще и письма зачастили от Наташи, дня не проходило, чтобы ему не приносили их, хотя первые письма шли на другую полевую почту, но относящуюся к тому же ведомству. Он начал отвечать на них, на каждое ответить было невозможно, а затем замолчал: 24 ноября успешно сдал лыжную подготовку и «убыл на задание», перейдя в ночь на 29-е линию фронта на реке Нара в районе деревни Дютково. Это под Кубинкой. Обильный снегопад и метель дали возможность пройти по льду Нарского пруда и уйти в леса, найдя разрыв в линии фронта. На этом везение кончилось: местность оказалась забитой немецкими войсками, вся техника была украшена коричневым кругом. Этот кружок Ивану был хорошо знаком по боям в Белоруссии. Так обозначала себя 292-я пехотная дивизия. Это они повесили Зою Космодемьянскую. Произошло это в 15 километрах от того места, где взвод Артемьева просочился за линию фронта. По заданию требовалось переместиться южнее, под Наро-Фоминск, где была сосредоточена еще одна пехотная дивизия немцев под номером 258. Передвижение возможно только ночью.

Плохая погода и сильная метель позволили преодолеть 32 километра по сплошному лесу и выйти к окраинам села Субботино, где они обнаружили танковую роту противника, выдвигающуюся из Вереи в сторону фронта. Отдали РДО в три адреса, получили две квитанции. Немцы прошли Назарьево и повернули влево. Разведка дошла до Семидворья, но дальше было не пройти. Вернулись назад к Назарьево и там сделали «волокушу»: соединили между собой несколько ТМ-39, с тем чтобы иметь возможность быстро вытащить их на дорогу. И легли на днёвку, закопавшись в глубоком снегу.

Под вечер увидели небольшую колонну машин, нагруженных бочками, на которых была морда оленя, как и на танках, которые проскочили утром. Водитель первой машины увидел, что из придорожного сугроба «что-то выдвигается», и нажал на тормоза, но снег и ледок под ним не дали возможности остановить машину. Два взрыва разнесли ее, воспламенили бочки с бензином, выбросив их из кузова. Еще одна волокуша разорвалась под предпоследней машиной. А дальше заговорили многочисленные пулеметы группы. Три-четыре минуты, бой закончен и группа начала отход, хотя из Назарьево ударило не менее десятка пулеметов, но обе части взвода прикрывал лесной язык, который пересекала эта дорога. Вскочивших из Назарьево мотоциклистов срезали снайперы. Лыжных отрядов у немцев здесь не было, но противник мог попытаться прихватить группу на отходе. Над лесом через час появился «Шторх». Пришлось петлять, а затем затаиться. Дождались темноты, благо что наступила она довольно быстро. Но темнотой воспользовались не только разведчики, но и немцы в Крюково: до полка пехоты двинулось в сторону Литвиново. Отдали сообщение и об этом, и севернее Берюлево, забросав гранатами опорный пункт немцев, вышли к своим, везя на санках-волокушах шестерых своих раненых и трех «языков». Утром немцы должны были прорвать линию фронта в полосе соседней 33-й армии. Иван знал об этом случае, поэтому и выбрал стык между 5-й и 33-й армиями для проведения рейда. Атака утром состоялась, но направлена она была на Акулово, танки противник в бой не вводил. Так как прорыв немцам не удался, то попало за все только Ивану, что требовалось пропустить бензовозы и продолжать вести наблюдение за

дорогой. До начала наступления оставалось совсем чуть-чуть, и командование хотело иметь в тылу у противника как можно больше своих групп. Да вот только попробовали бы они сами полежать в снегу, когда температура 30-го числа опустилась до минус 25 °С, впрочем, через трое суток стало еще холоднее. Небо очистилось, снег прекратился, теперь просто так линию фронта стало не перейти.

Впрочем, уже через пять суток части пятой армии генерал-лейтенанта артиллерии Говорова, который за ночь перебросил все имеющиеся пушки на один участок под Звенигородом, прорвали фронт в районе небольшого плацдарма на левом берегу Москва-реки и освободили небольшую деревушку Грязь. Там появилась возможность пересечь линию фронта, чем лыжный батальон ОсНаз воспользовался и ушел в леса Замоскворечья. В лесах разбился на роты и взвода. Ивану предстояло со своими бойцами перейти вновь на правый берег и действовать в интересах левого фланга 5-й армии, снова в районе Кубинки. Назвать это «глубоким тылом немецких войск» язык не поворачивался: действовали в непосредственной близости от линии фронта, на удалении пять-десять километров. Но основательно потрепанная в боях соседняя армия генерала Ефремова еще не была пополнена и испытывала острый недостаток боеприпасов. Те, кто думает, что 5 декабря, обозначенное в Интернете как начало наступления под Москвой, было каким-то особенным днем в череде боев – глубоко ошибаются. Две небольшие «частные» операции частей 5-й и 16-й армий на Истринском направлении, у Крюково на Истру и от Звенигорода на Грязь, в общем направлении на Рузу.

Поначалу немцы даже не обеспокоились, и свалили все на «дедушку Мороза», которого вскоре произвели в «генералы». Морозы, действительно, стояли жестокие: антициклон опустил столбики термометров до минус 35 градусов. Но если вы думаете, что мерзли только немцы, то глубочайшим образом заблуждаетесь. Мерзли все, в том числе и бригада ОсНаз. Но части 40-го мехкорпуса немцев в то утро не смогли запустить двигатели своих танков и автомашин: замерз синтетический бензин, на котором они ездили. Замерзло масло в трансмиссиях, смазка в пулеметах. А бойцы взвода лейтенанта Артемьева еще в Жуковском, в Кратово, переоделись в присланные из Тувы и Монголии малость вонючие полушубки, под них нацепили собранные по всему Советскому Союзу вязанные свитера, шерстяные носки и двойные перчатки. Надели валенки, вместо сапог, чуть перенастроив крепления лыж, и двинулись вперед. Ночью вторично форсировали Москву-реку у Люблино и железную дорогу на Смоленск. Теперь там дачные места, а тогда там были леса. Дневку устроили в песчаном карьере уже на другой стороне железной дороги.

В этот раз состав взвода абсолютно новый, его так «наказали». Все спортсмены-лыжники, большинство валенки приторочило к вещмешкам, бегут в «своем» оборудовании. Чтобы не отстать и Ивану пришлось переобуваться в середине дня, так как «холодно не было». Темп задавали три мастера спорта. Впрочем, все красноармейцы имеют не один выход на счету, набирали их из действующих частей. Пока кадрового голода Красная армия не испытывает, несмотря на потери на первом этапе войны. Людей моложе 1918 года рождения в составе взвода нет. Старший сержант Кругляков расставил посты и протиснулся в наспех расширенную небольшую пещерку, где горел немецкий сухой спирт и подогревался чайник.

– Тащ лейтенант, посты расставлены, противник не наблюдается, но дорога наезжена, зачем – непонятно. Возле нее оставил усиленный пост: пятерых с Коломийцевым во главе. Руки уже отваливаются! – закончил он доклад и, скинув меховые трехпалые рукавицы, почти прислонил пальцы к горячему чайнику.

Оказалось, что карьер используется для железнодорожной станции. Через час подъехала машина, наша полуторка, с одним полицейским и тремя местными жителями. Они долбили и грузили песок пару часов, уехали, затем вернулись после выгрузки. И так повторилось четыре раза за день. Большой опасности они не представляли, но полицейский мог что-нибудь заметить, и

поэтому пришлось лежать тихонько, а смены на постах производить в зависимости от присутствия посторонних в карьере. Но обошлось, и, как только начало темнеть, взвод покинул место дневки и углубился в соседний лес, в котором, по данным наблюдения, немцев не было. Из-за мороза они все забились в оставшиеся деревушки и избы. Их было полно в детской колонии (усадебка Любвино), в соседнем Мухино и на кирпичном заводе. Взвод обошел кирпичный завод и двинулся к селу Ляхово. Сейчас в этом месте моста нет. А тогда в каждом вещмешке всех 32 человек лежал тол для этого мостика. Следующий мостик на Минском шоссе находился в 36 километрах через реку Мжуг. А этот был в 5500 метрах от линии фронта. Мост через реку Капанку можно было не считать, чтобы его разрушить, требовалось полтонны взрывчатки.

Из-за мороза немцы сняли наружные посты, поэтому минирование прошло быстро и без стрельбы. Раздавили химический взрыватель и ушли в лес, где-то под утро мостик и караулка немного подпрыгнут, но это будет позже. Сейчас им шум не нужен. И группа вернулась в те места, где Иван уже был шесть суток назад. Но теперь они выдвигались к деревне Горки, а не к Субботино. Горки – должны были брать завтра, если, конечно, все сложится так, как планировал генерал Говоров.

Пятнадцать километров разведчики преодолели за два часа и обнаружили незанятый дзот на окраине леса. Дзот наш, амбразуры смотрят на поле и деревню Слепушкино, поэтому немцев он не интересовал. Какое-никакое, а укрытие от мороза и ветра. В самих Горках – штаб немецкого 29-го пехотного полка 3-й моторизованной дивизии. Так что немцы грелись, а разведка мерзла. Закончился сначала сухой спирт, затем подошло к концу продовольствие. Заняли дзот они в ночь на седьмое декабря и целую неделю ждали, когда придет их черед. Вели наблюдение, докладывали по радио о передвижении немцев. Слегка отогревались только ночами, когда можно было разложить небольшой костер прямо внутри дзота. А большую часть времени проводили в дозорах, и копали землянку в лесу, чтобы перебраться туда, используя в качестве основы воронку от авиабомбы. 12 декабря, через пять суток, появилось новое жилье. Большая часть людей уже имели обморожения, а долгожданное наступление так и не началось. Хорошо еще у радистов был с собой «солдат-генератор»: что-то вроде велосипедной рамы с двумя звездочками, рукоятками и генератором на 27 вольт. Шесть часов непрерывного вращения – и аккумуляторы радиостанции становились как новенькие. Кстати, право сесть за него разыгрывали, так как это была единственная возможность хоть немного согреться. Потом и это дело несколько забросили, так как с питанием стало совсем плохо. Продукты вышли полностью. Лес рядом, но кроме ворон, там никакой живности не было.

На севере активно грохотало, пятая армия взяла 12 декабря Локотню и обеспечила ввод второго гвардейского конного корпуса генерала Доватора в немецкие тылы, но это все происходило на другой стороне Минского шоссе и железной дороги на Смоленск. 13-го числа заработала артиллерия на востоке, в районе Наро-Фоминска. Это в 17 километрах от того места, где находился взвод Артемьева. Так как голод не тетка, то начали обследовать окрестности и выяснили, что деревни Киселево просто нет, одни трубы остались. Иван Зарудный нашел в одном из домов погреб с картошкой, так что с 14 декабря голодуха закончилась. А 18 декабря загрохотало и в непосредственной близости от них, но... Погрохотало и затихло! Три армии пошли в лоб на немецкие позиции, а артиллерии у них было – кот наплакал! Немцы парировали удар, но видимо, понесли большие потери, потому что ближе к вечеру охранный батальон, расквартированный в Горках, в пешем порядке вышел из села в сторону Пашкове. Не теперешнего дачного поселка, а «старого» Пашково. Как только отдали РДО в два адреса, то вместо квитанции из штаба 5-й армии пришел запрос перейти на голосовую связь на другой волне. Настроились, дали позывные.

– Здесь «Аптекарь». – Командующие армиями обычно на связь сами не выходят. Позывные у них только по ВЧ, и командиры взводов их, естественно, не имели. Но в штабе армии Иван бывал, и задачу выйти в тыл противника именно в этом месте дважды ставил именно

командарм, поэтому он знал его «подпольную кличку». За глаза его все старшие командиры так называли.

– Нам изменили задачу, и ты снова находишься в нашей полосе. Сможешь 11-10-29? – кодом это означало атаковать штаб 29-го полка

– Плюс шесть, – ответил Иван и добавил: – Потребуется 333, коротко, но интенсивно.

– Принято, действуй, на этом канале.

Ему предоставили запрошенное им время на подготовку и обещали нанести артналет на Горки по запросу. Бойцы взвода на картошке малость оклемались после голодухи, да и сидеть сиднем всем надоело хуже горькой редки, поэтому выслушали приказ с довольными лицами. Распределив бойцов и каждому поставив задачу, командир дал команду командирам отделений выводить людей на позиции. Связисты были в каждом отделении.

Немцы грамотно расположились именно в Горках: до ближайшего леса у них 450-1800 метров абсолютно ровного поля без единого кустика. В сторону трех мест, где это расстояние минимально, смотрело шесть дзотов. Противнику требовалось иметь всего 18 человек, чтобы накрепко держать оборону в этом месте. Кроме дзотов, у противника имелось несколько противотанковых орудий и два танка. Орудия, правда, частично убыли вместе с батальоном. Все равно: взводом такой орешек не раскусить, особенно если действовать в лоб и нахрапом. Но как взять недоступную «Горку», уже три недели обсуждали во взводе. Такая возможность сейчас появилась.

Все три отделения заняли свои места. Из лыж сделали санки, скрепив их как лыжными палками, так и заранее заготовленными распорками. Бойцы легли на них и, загребая руками, двинулись в сторону противника в тех местах, где дзотов не было, там расстояние было довольно большим, до двух километров. Различить на снегу их белые фигуры во тьме было нереально. Плюс сильный мороз не давал противнику возможности тщательно наблюдать. Штаб противника находился в местной школе, одноэтажном здании рядом с садом. Там же стояла автомашина с радиостанцией. Сейчас дорога проходит за селом, а тогда она проходила через село, деля его на две части вдоль. Второе отделение добралось до сада быстрее остальных, и занялось двумя дзотами, расположив у них с тыла засады. Ивану и первому отделению удалось подобраться непосредственно к школе и радиостанции. Третье отделение еще не доложило о выходе на исходные. Пятнадцать минут ждали условного сигнала. И в момент, когда этот сигнал поступил, неожиданно открылась дверь кунга, и там появился немецкий офицер-лейтенант. Такой момент упускать было грех, из-за машины ему в ноги бросился Курочкин, борец-самбист, а Иван и Кругляков, с помощью четырех наганов с Бра-Митами, быстро ликвидировали радистов и их радиостанцию. Немца упаковали. Бойцы первого отделения сняли часового у штаба и ворвались вовнутрь. Каждый из бойцов был вооружен, помимо штатного автомата или пулемета, двумя наганами с глушителями. В самом штабе было только три человека: дежурный офицер и два связиста. Вскрыв сейф, изъяли из него карты, и Иван дал команду отходить. Через двести метров он дал распоряжение радисту вызвать артиллерию и откорректировал ее огонь. Одновременно заговорили пушки, и в семи километрах от этого места: у Любанова и Литвинова, начался ночной бой. Взвод двинулся лесом навстречу со своими. В ту ночь частями 5-й армии был прорван фронт у Литвинове и утром была перерезана дорога на Наро-Фоминск. У немцев в руках оставалась дорога на Обнинск, но южнее к Малоярославцу рвались части 5-го воздушно-десантного корпуса и 43-й армии. И генерал-майор Кирхнер дал приказ оставить Наро-Фоминск из-за угрозы окружения.

Выход был очень тяжелый, и сразу после доклада их всех направили на медосмотр в медсанбат, который располагался в санатории «Усадьба Шлиппе», в подвалах этого здания. 29 человек так и остались в подвалах, а трое поднялись на чердак, где долгое время находился наблюдательный пункт. Усадьба была «фронтовая». От нее до Нары всего двести метров. Джа-

кубай, небольшого росточка плотный казах из Акмолинска, несколько раз бывал на этом чердаке.

– Там теплее всего, тащ командир. Окошко одно, щитом закрыто, а железо кровельное – асбестом и досками. Мужики там еще четыре буржуйки приспособили и диванов натаскали снизу.

Несмотря на «южное» происхождение, бывший степной охотник с холодами и ветрами был знаком хорошо, к тому же снайперскую школу закончил еще до Финской войны и воевал составе 8-й армии под Кандалакшей. Для открытых участков тела он использовал бараний жир, вот и не обморозился. Третьим был сибиряк сержант Троегубов, командир первого отделения. Жир, правда, остававшийся у Джакубая, 12 декабря разделили на всех и съели.

Фронт немного отодвинулся от Нары, Артемьев получил приказание отдыхать и комплектовать взвод по мере выздоровления бойцов. Вот они и встали здесь на довольствие и отдых. А сейчас занимались тем, что наводили порядок на бывшем наблюдательном пункте. Весело потрескивали дровишки в трех оставшихся буржуйках. Две печные трубы были теплыми. Через час, еще до рассвета, все трое спали, но только до рассвета! В 08.30 немцы начали артподготовку, и находиться на крыше стало небезопасно. Они спустились вниз и перебежали в опустевшие доты, сделанные в 50 метрах от дома и в 25 метрах от реки Нара. Там был укреплен берег каменной кладкой почти метровой толщины и были сделаны несколько амбразур. Доты между собой соединялись под землей и почти три месяца были опорным пунктом первого батальона 521-го полка 133-й стрелковой дивизии, сформированной в Новосибирске в первые дни войны. Сама дивизия воевала на Калининском фронте, а 521-й полк «приютила» 5-я армия, которой тогда командовал Лелюшенко. Через пятнадцать минут в дотах были все бойцы взвода и все легкораненые из госпиталя. Некоторую «напряженность» с боеприпасами решил зам по тылу медсанбата. У него имелись даже противотанковые орудия и снаряды к ним. Немецкая 292-я дивизия решила подрезать ударом справа «клешню» нашего наступления, имевшего цель окружить немцев под Наро-Фоминском. По Наре, прямо поверх льда, хлынула вода из Нарского пруда. Так защищалась здесь 5-я армия. Как только немцы пытались атаковать наших, так открывались шлюзы и пускалась вода из пруда. Нара – приток Оки, а не Москва-реки. Их разделяет Московская возвышенность, как раз у Кубинки. Сильного удара у немцев не получилось, но нервы потрепали изрядно: полки армии двинулись вперед, а резервов у армии практически не было. Вот и пришлось взводу и другим выздоравливающим до самого Нового года сидеть в дотах и временами постреливать по атакующим немцам. Наступали наши очень и очень медленно: средний темп наступления был один километр в сутки.

Глава 8

Десантная операция, о которой никто не знал

Лишь второго января раненых и бойцов взвода ОсНаз сменил подошедший свежий батальон и сразу началось наступление на Можайск, до которого было всего 36 километров. Наступали с двух сторон: как по левому берегу Москва-реки, так и по обеим сторонам Минского шоссе. Командовал этим делом лично будущий четырежды Герой Советского Союза и будущий маршал Жуков. Пока он в основном занимался тем, что писал «закладные» на всех командующих армиями. А ситуация с «армиями» была следующей: 5-я армия имела в своем составе одну 32-ю стрелковую дивизию, усиленную одним полком 133-й дивизии и четырьмя танковыми бригадами: 18-й, 19-й, 20-й и 22-й. В конце сентября 1941 года они были «свежими»: бригады имели по 1982 военнотружущих, семь тысяч человек вкуне, и следующую боевую и материальную часть каждая: танков Т-34 – 29, ВТ или Т-26 – 31; тракторов СТ-2 – 8; броневтомобилей – 7; автомобилей: ЗиС (5 и 6) – 128, ГАЗ (АА и ААА) – 100, М-1 – 8; мотоциклов с коляской – 27, мотоциклов без коляски – 22; 57-мм пушек ПТО – 8; 37-мм зенитных пушек – 8. Чуть позже была сформирована 20-я бригада: управление бригады – 54 чел., рота управления – 175 чел., разведывательная рота – 107 чел., 20-й танковый полк – 422 чел., 1-й танковый батальон, 2-й танковый батальон, мотострелково-пулемётный батальон – 422 чел., зенитный дивизион, ремонтно-восстановительная рота – 91 чел., автотранспортная рота – 62 чел., медико-санитарный взвод – 28 чел. Иван, когда удавалось забраться на чердак и поспать в тепле, взял за правило хотя бы час «почитать» сводки. Читал и «охреневал» от прочитанного! 22-я отдельная танковая бригада, оказывается, значилась за 5-й армией! А ничего, что она ушла в рейд с группой генерала Доватора еще 5 декабря? И где она сейчас? Где те самые 116 средних танков? Их давно уже не было! Два-три танка, максимум шесть, иногда придавались идущим в наступление бойцам, и только на острие атаки. Фланги танки не прикрывали. И все! Комфронта распоряжался техникой и бригадами как хотел! И совершенно не увязывал это дело с поставленными перед командующими задачами. Три! Три дивизии направлялось Ставкой в адрес армии Говорова, и ни одна не дошла! А Ставка строила свои планы по тем цифрам, которые у нее имелись. Завершив великое сидение под Литвиново, взвод, в почти полном составе: 28 человек, двое погибли еще до Нового года, а двое убыли в госпитали с тяжелыми ранениями, наконец-то был отведен в тыл, и прибыл в Кратово, где находился штаб их бригады. Там вовсю готовились к проведению «большой десантной операции». «А мужики-то не знают!» За время «сидения» Иван несколько раз встречался с «большим начальством»: ни командующий фронтом, ни командующие 5-й и 33-й армиями не были посвящены в тайные планы командующего ВДВ, 2-го и 4-го управлений НКГБ. О том, что у них в тылу готовится к выброске 4-й воздушно-десантный корпус, они даже не догадывались! Вот это «взаимодействие»! Разговора с новым командованием бригады (старый состав полностью ушел за линию фронта, но свято место пусто не бывает, и кабинеты заняли совершенно другие люди, у которых уже была новая бригада под старым названием, хотя где-то за линией фронта находились ее бойцы и командиры, но их в списках бригады уже не было) и со старшим майором госбезопасности Судоплатовым не получилось. Одни отнекались, а руководитель Управления сказал, что существует «1-я “А”» бригада, но их перевели в «единичку», чтобы укрепить кадры. И всем своим видом показывал, что не мешай, лейтенант. Доводить до скандала Иван не стал и позвонил по телефону в штаб 5-й армии начальнику разведотдела майору Ефимову. Говорить, даже по ВЧ, об этом возможности не было. Между делом вставил кодовое слово о личной встрече и стал ожидать этой возможности. Вызвали в штаб армии сдать отчет и получить награду. Из Кратово с трудом, но отпустили. Шестого января он «поделится» новостями с майором,

который тут же на награждении шепнул об этом генерал-лейтенанту Говорову. Через двадцать минут Ефимов подошел к Ивану сзади и позвал его с собой. Награждение было организовано в Мосгорсовете на Горького, они с майором поднялись на третий этаж и несколько минут кого-то ждали. При этом Дмитрий Иванович расспрашивал Ивана о деталях предстоящей операции. В самый разгар обсуждений в кабинете появились Говоров и генерал-майор Филатов, начштаба. Пришлось все повторять с самого начала. Александр Алексеевич Филатов достал бумажку из своей командирской сумки и показал ее Говорову, ткнув куда-то пальцем.

– А ты, лейтенант, собственно, чего этим озаботился? – нарочито небрежно спросил он у Ивана.

Лейтенант повернул голову на майора Ефимова. Тот без слов его понял и протянул тому отчет о проведении рейда по захвату деревни Горки. Официально Ивана вызвали для этого. Командующий был немного, в общих чертах, в курсе событий, но без подробностей, а начштаба даже краем уха об этом не слышал.

– Если бы ребята не нашли картошку в Киселеве, мы бы оказать помощь 32-й дивизии не смогли. А так первый день наступления был самый удачным. Войска армии продвинулись на 14 километров, серьезно озаботив командование 20-го армейского корпуса. И потом, вместо отдыха и лечения, взвод парировал попытки 292-й дивизии подрезать части 33-й армии, и частично 5-й, пытаясь ударом вдоль Нары соединиться с 258-й. Любаново и Литвиново мы удержали, а по другим местам немцы танки пустить не могли.

– Ну, действовали вы «совместно» с 521-м полком... – тут же вставил генерал-майор, – но твои опасения вполне могут реализоваться. Леонид Александрович, нас ведь точно погонят соединяться с десантом, невзирая ни на что.

Командующий армией только кивнул в знак согласия. Так оно и будет.

– Место приблизительно знаешь? – продолжил разговор начштаба.

– Знаю не приблизительно, знаю точно, но высадку вновь отложили. Мы – в первой волне. Но вам до нас два-три месяца наступать, судя по темпам наступления. А так как действуете исключительно в лоб и по открытой местности, то до нас вы никогда не доберетесь, при нашей жизни.

– Это вы, лейтенант, правильную оговорку сделали! – заметил Говоров и мотнул головой.

Посмотрел на начальника разведки, но тот развел руками:

– Тащ генерал, вы же сами послали мой батальон брать Дорохове, задача оказалась нам не по силам. Разведбата у нас больше нет, а в Дорохово – по-прежнему немцы. Кабы мне таких орлов, как у него... – майор Ефимов многозначительно замолчал.

– Я тоже об этом подумал, – ответил начштаба. – Есть у меня возможность довести эти сведения до комфронта, но в этом случае лейтенанта могут и привлечь за разглашение, кто его знает, как там среагируют на это дело. Леонид Александрович, вся надежда на вас: позвоните Всеволоду Николаевичу. Они же по его ведомству проходят. Если его нам придадут, тогда я смогу проинформировать кого следует.

– А что я ему скажу?

– Так тут же все написано! – начштаба вновь взял со стола отчет Ивана о проведенном рейде.

– Ладно, выходите все, подождите в коридоре. – Разговаривать при всех командующий не стал.

Кто такой Всеволод Николаевич, Иван тогда не знал. Он познакомился с ним через сутки, причем его «доставили» для знакомства. Ночью в Кратово его подняли с кровати и приказали следовать за собой два командира ГБ. Усадили его в «черный воронок», перекрашенный известкой в белый с разводами, и привезли на Лубянку. Посадили в кабинет на втором этаже, где кроме второй двери никого и ничего не было. Несколько стульев и пепельница на ножках. О причине никто ничего не сказал. Началось томительное ожидание неизвестности.

Он, в принципе, разгласил совершенно секретные данные, за такое по голове могут погладить, в районе затылка, помазав его зеленкой. Но для этого в здание НКГБ не привозят: максимум в землянку под охраной, местную гауптвахту, затем трибунал, приговор и приведение его в исполнение. Чаще всего сейчас это дело возлагали на немцев: у каждого фронта существовала и воевала дисциплинарная рота. Операция еще не началась, поэтому непосредственного вреда ей он не причинил. Через сорок минут в комнату вошел старший майор Судоплатов, но не ругался, а протянул руку для рукопожатия. Второй рукой показал лейтенанту на другую дверь. Они оказались в «классической» приемной: с телефонами, двумя адъютантами и несколькими посетителями с папочками в руках. Судоплатов взглянул на одного из адъютантов, и тот кивнул головой. Прошли через двойную дверь с тамбуром, в котором существовала и третья дверь, ведущая неизвестно куда, и оказались в просторном кабинете, который занимал комиссар госбезопасности второго ранга, первый заместитель наркома внутренних дел и народный комиссар государственной безопасности СССР.

– Прибыли, Всеволод Николаевич, – совсем не по-армейски доложил Судоплатов.

Небольшого роста комиссар встал из-за стола и подошел к лейтенанту. Приподнял руку и замерил его рост.

– Вот это вымахал!

– Отобран мной из состава 13-й армии, из корпусной разведки 45-го корпуса, уходившего под расформирование. Воюет с самого начала, от Бреста в разведке. У нас провел три успешных операции. Награжден тремя боевыми орденами, двумя за первую, нами и командованием 13-й армии, и еще одной «Красной Звездой» за крайнюю. Имеет ранение. Второго января отозван в распоряжение после выхода из-за линии фронта в районе Литвинове. Вот его личное дело. Мое ходатайство о повышении его в звании отклонено Политуправлением из-за самостоятельно принятого решения на прорыв через «нитку» во время второго задания.

– В чем дело было? – спросил нарком.

– Ручной генератор вышел из строя, замкнул, и в рацию попала пуля, лишились связи, был ранен единственный радист на отходе от деревни Назарьево. Группа была недостаточно экипирована, а начались морозы. И было три «языка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.